

Русская Православная Церковь

ISSN 2225-0271

ЛАМПАДА

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 4 (103) 2015
июль — август

**Тема номера:
МОЖНО ЛИ БЫТЬ
СВОБОДНЫМ ВНЕ БОГА?**

- Крест Великого князя
- Шукшин: трудный путь к храму
- Прошел войну, не сделав ни выстрела

СОДЕРЖАНИЕ

МОЖНО ЛИ БЫТЬ СВОБОДНЫМ ВНЕ БОГА?

Протоиерей Андрей Ткачев – Павел Демидов
Стать гражданином Неба... 4

Лариса Беляева
Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста... 8

Евгений Киндинов – Павел Демидов
Главные слова, усвоенные с детства 10

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Ирина Ушакова
Отец Владимир 13

Архивариус
Гаврасы и Ховрино: связь времен 14

Семен Перцев
Улыбка бабы Тани 17

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Вадим Рутковский
Крестный путь крестителя Руси 18

МИР ВОКРУГ НАС

Александр Трифонов, Сергей Долгов
Спортзал и Церковь: так строится линия жизни 21

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Татьяна Кольян
Прошлое – это наше будущее,
о чем не следует забывать 23

Алексей Исаев
За войну – ни одного выстрела 25

СТРАНА КРАСОК

Алексей Минкин
Любимцы царского двора
и крестьянских подворий 27

СТРАНА СЛОВ

Ирина Монахова
«Бог – властитель над душой» 31

ЧИТАЛЬНЯ

Алексей Варламов
«Василий Шукшин»
(главы из книги) 35

Свято-Тихоновский
приглашает... 38

ЧИТАЙТЕ НА САЙТЕ 39

**Храм иконы
Божией Матери «Знамение»
в Ховрине**
lampada-press.ru

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: храм преподобной Ев-
фросинии, Великой княгини Мос-
ковской, в Котловке. Фото Ларисы
Беляевой

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.

Выход в свет 10.07.2015

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

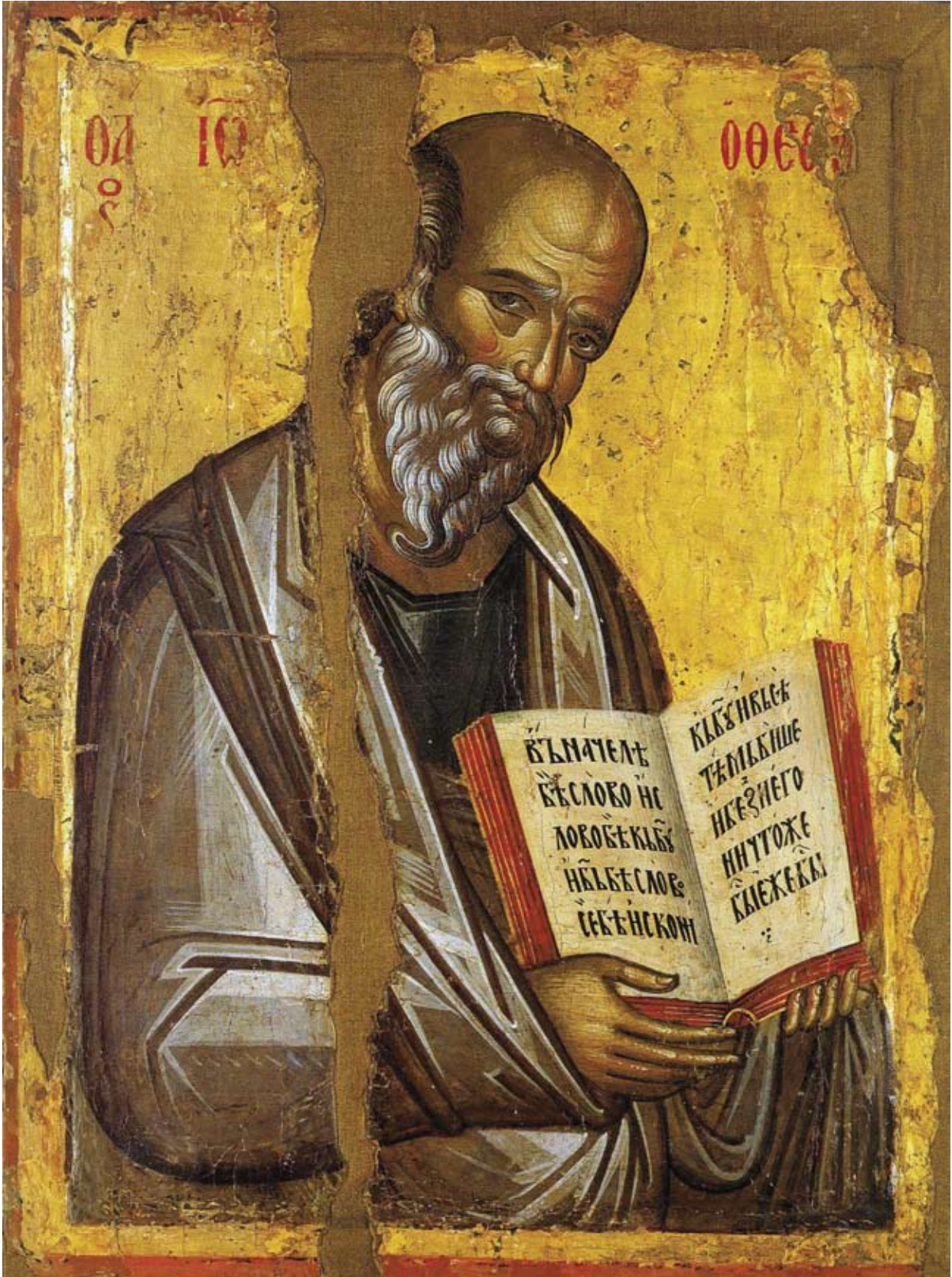
Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в типографии ООО «Буки Веди».
115093, Москва, Партийный пере-
улок, 1, корп. 58

Контактный телефон:
+7 (495) 926-63-96

Тираж 800 экз. Заказ № 4845
© Лампада, 2015

Апостол и евангелист Иоанн Богослов. Икона

Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: если пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными
Евангелие от Иоанна 8:31,32

Сочувствую прихожанам киевского храма Агапита Печерского: они лишились столь любимого ими настоятеля – протоиерея Андрея Ткачева. Не по их воле и не по своей собственной оставил батюшка родной приход. Его твердое стояние в православной вере и, соответственно, гражданская позиция привели к тому, что вместе с семьей он вынужден был покинуть раздира-

емую нестроениями Украину. Его приняла под свой кров Московская епархия. А у нашей «Лампады» появилась возможность общаться с отцом Андреем не с помощью электронной почты, а живую. Чему мы, честно говоря, очень рады. Наша беседа с ним на вечную и вечно актуальную тему – о Боге, о человеке и о свободе.

Павел Демидов

Стать гражданином Неба...

– Свобода – такое многогранное понятие, которое позволяет человеку толковать его спекулятивно. В зависимости от личного представления о правилах взаимоотношений между собой и обществом, собой и государством, между собой и другими людьми, от меры собственной эгоистичности, даже от своего конкретного физического или психического состояния. Два человека могут говорить о свободе, и у каждого будет собственное толкование. Это своего рода видовые характеристики. Но есть еще и родовые ее понятия: свобода политическая, национальная, религиозная, если хотите – сексуальная и даже такое примитивное представление, как наличие (или отсутствие) свободного времени.

– **Все это можно отнести к так называемому человеческому измерению.**

– Да, и оно объяснимо, поскольку человеку свойственно все примерять прежде всего на себя. Понятие свободы часто встречается в Священном Писании. Апостол Павел постоянно говорит о ней, о том, что стоит поработить себя человеку – и ты тотчас лишаешься свободы. Совсем иное, когда человек лично приходит ко Христу, и это так же контрастно в сравнении с его прежней жизнью, как жизнь после покаяния и жизнь до него. Мы, можно сказать, словно выходим из тюрьмы. Что как раз и равносильно приобщению к свободе. Христианское измерение свободы лежит в плоскости внутреннего отношения человека к греху и к праведности. Как сказано у апостола Павла: вы раньше были рабы нечистоты, то есть свободными от Бога. А когда вы пришли к Богу, то стали свободны от греха и поработили себя праведности.

– **То есть свободы как таковой, свободы, так сказать, в лабораторном виде не существует, так?**

– И не может существовать. Покажите мне ее. Абсолютной свободы нет и быть не может. Свобода – это всегда вопрос нравственного выбора. Наша свобода всегда относительна. Мы зависимы. Мы не самодостаточны. Следовательно, мы не можем говорить об абсолютной свободе. Но та свобода, которая называется христианской, это свобода от греха и порабощение себя Господу, при которых сохраняется свобода воли делать все, что не противоречит заповедям, не противоречит благодати Божией. Если нашу жизнь рассматривать с точки зрения есть свобода или ее нет, то, безусловно, никто не свободен. Ты нуждаешься в отдыхе, в одежде, в питании... Если есть семья, то какая у тебя свобода? Ты постоянно служишь своим близким, обеспечиваешь более или менее достойную жизнь тем, кого любишь... Общеизвестно: жить в обществе и быть свободным от общества – невозможно.

– **Но можно жить в обществе и быть свободным от Бога.**

– Да. Конечно, можно. Свобода от Бога и есть постулат новейшей философии.

– **Которая началась не сегодня и не вчера.**

– Еще Ницше заявил во всеуслышание, что Бог умер. Он произнес вслух то, что многие к тому времени уже исповедовали, но стыдились (или боялись?) произнести вслух. Апологеты этой философии считают себя свободными от всяких обязательств. Это пришлось по душе многим, ее приняли на ура.

– **И что же? Люди стали от этого свободными?**

– Напротив! Освободившись от Господа Бога, человек поработился стихиям мира. Откуда взялись теории, что человек – это лишь винтик сложного механизма, некая заменяемая деталь? Они идут из эпохи освобождения человечества от нравственных обязательств, от Божественных установлений. Так в оправе тоталитарного государства формируется тоталитарное общество, общество полного подавления личности. Что может быть общего у света с тьмой? Точно так же не может быть ничего общего между Богом, Который создал человека свободным, и тоталитаризмом, лишаящим человека этой свободы.

– **Значит, без Бога нет свободы?**

– Все не так просто. Свобода без Бога, или от Бога, она есть. Но когда одни лично для себя выбирают свободу от Господа Бога, но при этом живут среди тех, кто от Бога не свободен, кто любит Господа и связан Его законами, трудно ждать от мира устойчивости. Ладно, если все ограничивается стремлением покочевряжиться, так сказать, самовыразиться. Но когда разрушаются фундаментальные основы бытия, когда сердце освобождается от каких бы то ни было обязательств – жди беды. Ког-

да окунаешься в жизнь, где никто не связан никакими законами, чувствуешь себя то ли внутри какого-то концлагеря, где царит полное бесправие, то ли игрушкой в руках содомской цивилизации.

– Это как раз и есть погружение в постмодернизм?

– Думаю, да. Постмодернизм превращает все в шутку, учит легкомысленно относиться к самым важным вещам, все подвергает осмеянию, для него не существует авторитетов и незыблемых правил. При постмодернизме наличие смысла не обязательно, оно ему даже противопоказано. Все превращается в игру, в фантики, в бисер, в бросание костей...

– Можно сказать, что постмодернизм – это, по сути, постхристианская эпоха?

– Скорее, одно из ее проявлений, правда, едва ли не самое отвратительное. Постхристианство – явление куда более широкое. Возьмите современный исламский экстремизм. Это – порождение постхристианской эпохи. Но постмодернизмом от него не пахнет. Развлекательные шоу – не его амплуа.

– Кстати, о шоу. Засилье торговых развлекательных центров в нашей сегодняшней жизни, по-моему, очень точно выражает суть эпохи постмодернизма. Смотрите, какой симбиоз: с одной стороны, получение барышей, ублажение плоти, с другой – зубоскальство, легкомысленное, бездумное ржание. Сегодня и телевидение мало чем отличается от этих центров.

– Вы это верно заметили. Эпоха постмодернизма, якобы олицетворяющего свободу, в действительности есть эпоха рабства человека своим страстям. Другое дело, что мир пока еще живет теми, кто продолжает делать свое дело – трудиться, уважать законы, любить семью и так далее. Но тех, кто превращает жизнь, этот бесценный дар Божий, в баловство – рисует черные квадраты, профессионально гримасничает или вообще бездельничает, – становится все больше. А если пахарь перестанет пахать и лекарь, вместо того чтобы лечить больных раком, станет заниматься превращением мужчины в женщину и наоборот, тогда будет не весело от такой, с позволения сказать,

свободы: некому будет зуб вырвать, так как все, образно говоря, будут косметологами.

– Не получается ли, что для нормального устройства жизни необходима строгая дисциплина, а она-то и ущемляет свободу?

– Нет, не получается. Человек, живущий в Боге, не нуждается ни в каких дополнительных стимуляторах добропорядочности. Именно потому он свободен. А то, о чем сказали вы, есть удел тех, кто живет вне Бога, или без Бога. У них-то и нет свободы, и стало быть, нечего ущемлять.

– Серьезное отношение к жизни, о котором вы говорили, и есть жизнь во славу Божию?

– Серьезное отношение к жизни может и не предполагать жизнь во славу Божию. Оно может быть инерционно наследовано от прежних поколений, которые жили как раз по этому правилу. Мы встречаем в жизни очень нравственных людей, которые лично Бога не исповедуют, лично Ему не служат. Но делают свою жизнь настолько хорошо, настолько цельно, что мы невольно задаемся вопросом: а откуда у них это? Начинаем искать корни. И находим в нравственном анамнезе, в том, что предки заложили очень сильный импульс, дали такой толчок праведности, что потомок пошел их же путем. И получается, что он Бога не исповедует, а живет по-божески. Сюда можно отнести лучшие примеры коммунистической праведности. Мы были свидетелями этого, снимали о них фильмы, и это было правдой. Даже служители Церкви говорили: если бы настоящий коммунист, который готов отдать последнюю рубаху другому или пожертвовать собой ради товарища, жил по Христу, это был бы исповедник или мученик. Терпели мучения, невыносимые условия жизни, и не ради личной выгоды или славы.

– Но такой человек все равно живет во славу Божию. Он может об этом не задумываться, или это не осознавать, или этому противиться. Однако от факта как такового он никуда не денется.

– Совершенно верно. Тот, кто лишен сознательного исповедания Господа, вполне может жить во славу Его. Воля

Божия не зависит от чьего-то хотения или нехотения.

– В человеке доброе начало заложено онтологически. Когда создавался человек, он создавался честным существом.

– Вы правы. Это верное наблюдение. Человек, можно сказать, рождается с нравственным законом, написанным в его сердце...

– А дальнейшая жизнь уже определяется степенью поврежденности его природы. Так?

– Разумеется. Именно в силу этого один так никогда и не станет, допустим, воровать, а другой делается записным домущником, хотя жили они в одинаковых условиях и при одних обстоятельствах. Люди, которые живут честно, не только имеют запас нравственной прочности от прежних поколений. Да, они несут в себе еще и исконную скрытую нравственную составляющую, которая воспринимается как этическая. Думаю, вы правы. Я с вами согласен.

– Меня навела на эту мысль коллизия с одним очень близким мне человеком, можно сказать, моим другом. Он подчеркнуто, демонстративно, как теперь говорят, дистанцируется от веры. Я ему говорю: ты можешь все отрицать, но есть объективный факт – существование Бога, Которым определяется жизнь каждого. И от этого факта ты никуда не денешься.

– Совершенно верно. Можно закрывать на Него глаза, делать вид, что ты Его не знаешь, но уйти от Него не удастся. Ваш друг считает, что не служит Богу. Пусть так. Однако в действительности он реализует онтологически, то есть Богом, заложенные в него чувства справедливости, праведности, доброты...

– Но нет ли здесь опасности уйти в протестантскую философию: я, мол, имею Бога в душе, живу по Богу, а все внешнее, в том числе и ваша Церковь с ее атрибутикой, мне ни к чему?

– Опасность такая, конечно, есть. Дело в том, что все, что не питается разумным исповеданием и пониманием себя и своего поведения, легко выветривается, а может и вовсе поменять направление на противоположное. Человеку нужно вникать в себя.

Сказано Павлом Тимофею: вникай в себя! Там, где нет понимания происходящего, может случиться всяко. Почему я поступаю так, а не иначе? Что мне мешает сделать по-другому? Допустим, вы в состоянии ответить себе: я делаю так, потому что сердце мое требует этого и разумом я понимаю, что так – правильно. Но даже ответив, можно попасть в ложное положение. Быть хорошим человеком – еще не гарантия от заблуждений и ошибок. Сколько хороших, просто замечательных, просто необыкновенных, очень качественных людей было сбито с толку ложной идеологией!

– В этом смысле мне кажется показательной судьба академика Сахарова. Не представляю, как человек с таким интеллектом, с такой нравственной системой мог оставаться вне Бога. А он, мне кажется, здесь никуда и не двинулся.

– У людей такого типа был какой-то мутно-зачаточный теизм. Они предчувствовали Творца Вселенной, ощущали себя прикоснувшимися к тайнам творения мира, но... не шли дальше! В каком-то испуге останавливались и считали, что достаточно просто чувствовать, что мир вокруг – не случайность, что это сложнейшая, тонкая структура, созданная кем-то, ну а кем – не буду даже интересоваться.

– Интересно, что все же ими двигало?

– Скорее, останавливало?

– Верно, верно. Одних, возможно, страх перед бездонной глубиной непознанного, которую они ощущали, а других – собственная внутренняя тормозная система, которая мешает признать свою зависимость от этой глубины. На понятном нам языке это звучит: без Бога ты – ничто.

– Первое для человека хорошо. Потому что страх перед глубинами – хороший страх. Найти Бога живого – страшно. Не вынырнешь. Если Господь не позовет, туда нельзя идти. А вот второе... Если человек приближается к тайне творения и чувствует за этой тонкой перегородкой Того, Кто все это создал, и отступает назад, чтобы не поклониться Ему, – это уже из области бесовской. Люцифер должен был поклониться Создателю, и в этом состояла бы его великая радость. Но не

случилось. Точно так поступает вторая категория людей. Я бы назвал это тонким люциферианством. Оно касается людей, которые избыточно умны. Поэтому что ум без Бога – и есть сатана. Об этом Феофан Затворник говорил: ум с Богом – это Архангел Михаил, он воюет за Бога и кланяется Ему. Таков архангельский дух. А сатанинский дух – когда человек петляет как змей, считает себя во всем правым. Я самодостаточен, я умен, я силен и так далее. А за всем – одно: я никому не желаю кланяться.

– Можно назвать это сатанинским пониманием свободы?

– Нужно! Нужно называть вещи своими именами.

– И что же – это безнадежный клиент?

– Во всяком случае, очень трудный. Если такого начать припирает к стенке очевидностью богоустройства мира, в ход пойдет отточенная демагогия. Он начнет обвинять Бога во всем: почему мучаются и умирают люди, почему одним – все, а другим – ничего, почему страдают невинные дети, почему в мире столько несправедливости и еще сто тысяч других «почему». И в итоге: выходит, я должен поклоняться тому, кто допускает столько зла?

– А ему невдомек, что причина в нас, в людях?

– Очень даже «вдомек». Но это и есть демагогия. Как сказано в Евангелии о сатане? «Лжец и отец лжи» (Ин. 8:44). Отсюда эти извивы гордого ума, пароксизмы безбожного сознания. Пылливость человека – свойство хорошее, но есть предел, и это чаще всего в науке, когда или «отодвинь шторку – и ахнешь», или «останься там, где стоишь». Вот оно, искушение для гордого ума! Мы продолжаем говорить о свободе, не так ли? Какая же она у гордеца и у смиренного? Шаг назад – от страха ли перед тайной, а вперед – от гордого нежелания поклониться? А Господь будет судить как раз за твой выбор.

– Наверное, эту типичную для отдельной личности коллизию можно экстраполировать на всю жизнь в целом? Мир сегодня лежит во зле и сплошном лукавстве. Мне представляется, что все эти гигантские столкновения стран, народов есть ничто

иное, как борьба дьявола с Богом. Просто она принимает различные формы – от индивидуальной до широкомасштабной, от вербальной до летальной.

– Именно так.

– И в этой борьбе наша сторона, несмотря на ее принципиальную правоту, тоже нередко выглядит не лучшим образом. Это плохо. Но, мне кажется, тому есть объективное объяснение. Такое впечатление, что нас стараются накрыть сетью и затянуть в бездну. Мы сопротивляемся, упираемся как можем. А когда на тебя прут с ежовыми рукавицами, тут уже не до белых перчаток. Я неправ?

– Думаю, что правы. Это вопрос выбора оружия. Его решали и решили наши оппоненты. Почему? Потому что с их стороны была инициатива. Банковская и кредитная кабализация (от слова «кабала», а не «каббала»), манипуляция массовым сознанием с помощью пропаганды и СМИ, колониальная и неоколониальная системы, гонка вооружений... Предположим, вы хорошо фехтуете, но совершенно не умеете боксировать. А вас затаскивают на ринг. В таких случаях всегда страдает более совестливый. Но тогда вступают в силу уже другие механизмы. Слабость человеческая компенсируется часто Божией помощью, и не следует забывать еще о таком чуде, как фактор русской истории.

– Фактор русской истории?

– Изнемогает человек, заканчивается ресурс, казалось бы, все... Вспомним 1612 год: поляки в Кремле служат литургию на латыни, патриарх Гермоген в подвале Чудова монастыря умирает от голода, бояре сплошь предатели, народ ничего не понимает... Династия пресекается. Польский королевич на русском престоле! Казалось бы, куда дальше?! Но происходит нечто неожиданное, необъяснимым образом новая династия восходит на трон, жизнь страны продолжается... Фактор чуда, за которым стоит Господь, – а как иначе могло случиться такое? Это главное. А то, что в такой борьбе не всегда удается походить на белого рыцаря, – ну так что ж... На то она и борьба.

– Наверное, тем, что вы называете фактором русской истории, и объ-

ясняется наш исторический оптимизм...

– При неперменном условии: в союзе с Богом.

– Разумеется! Я, например, испытал это на себе. После того как я воссоединился с Господом, у меня принципиально изменилось представление о будущем. Могу сказать, что я стал оптимистом. Я по-другому воспринимаю настроения нашей жизни, в том числе и сегодняшние. Я убежден, что Господь не оставит тех, кто хранит Ему верность.

– Нам, мне кажется, не хватает библейского взгляда на вещи.

– Как это понимать?

– Корпус книг Ветхого и Нового Завета содержит не только учение Господа Иисуса Христа, то есть откровение о том, как нужно стремиться жить, чтобы войти в Небесный Рай с открытыми воротами. В нем, как известно, вся история творения мира – избрание Авраама, египетский плен, овладение землей, изгнание из земли, опять рассеяние... Там очень много эпизодов, убедительно показывающих, что именно претерпевший до конца спасется. Что Бог помогает в самых, казалось бы, отчаянных ситуациях. Что количество врагов не имеет значения. Что следует не отчаиваться, а продолжать верить и молиться, невзирая на очевидный расклад сил не в твою пользу. Верить, что Господь праведников услышит, что Он гордым противится, а смиренным дает благодать. Все это очень живо, очень действенно. Вся история еврейского народа дает точный срез действия всех механизмов Божиего заступления и Божиего наказания. Когда кого что постигает и когда на кого не проливается по милости Божией. Там много ответов на сегодняшние вопросы, в том числе и помогающих осмыслить содержание и суть понятия свободы.

– Можно сказать, что в какой-то степени, может быть, очень отдаленно, то, что происходит сегодня с нами, сопрягается с судьбой Иова?

– Иова?.. Нет, не думаю. Иов – не пример народной жизни. Это пример отдельно взятого праведника. Так или иначе, в шкуре Иова, больше или меньше, бывает каждый, кто ревнует о Боге. По мере приближения человека

к праведности Господь отправляет его в печку испытаний, чтобы отделить от него примеси. Тогда каждый измученный, каждый насыщенный воплями видит себя похожим на Иова и задается (или не задается) вопросом: за что страдаю? Это – личная история. А вот общественная история очень похожа на возвращение из вавилонского плена (видите? – опять свобода или несвобода). Сменились несколько царей, никто ничего уже не ждал, и вдруг приказ: домой! Но на родину, к корням и истокам, пошли не все. У нас – почти как тогда. Те, кто возвращаются, тоже принимаются строить Храм. А народы, которые обжили эти земли в их отсутствие, начинают выгонять пришельцев: с какой стати вам уступать? это уже наша земля. И начинается война. В одной руке мастерок, а в другой – копьё или меч. Так, с войной пополам, отстраиваются святыни. Потом наступает постижение новой реальности: необходимость расстаться с иноземными женами, забыть чужие обычаи, вспомнить Закон. Когда Храм построен, надо вспомнить, как надо жить, вспомнить правила жизни. Затем люди начинают осознавать, за что же они были в Вавилоне. И дают торжественное обещание больше никогда не кланяться идолам, никогда не нарушать субботы. Всегда быть верными Ему, чтобы никогда их такое больше не постигло. Это чистая параллель с нами, с нашей исторической судьбой. И вот вопрос: что нужно сделать, чтобы катастрофа 1917 года не повторилась никогда? Какой Нерукотворный храм нам нужно построить уже после храма Христа Спасителя? Какие правила жизни вспомнить? Какой Закон обновить в душах, как обновить Завет с Богом? Ты не забыл нас, Ты вернул нас, мы помним Тебя, мы каемся перед Тобой за грехи наши, мы просим Тебя: дай нам страх Твой в сердца наши, чтобы мы Тебя опять не забыли. Начинается еще один длительный период, который тянется несколько столетий. Улавливаете параллели? Для нас это не ущемление, но обретение свободы.

– Завет с Богом и завет с людьми: не противоречит ли одно другому?

– Никким образом. Завет с людьми есть исполнение завета с Богом. Ибо

все, что посылается Господом, направлено к одному – научению человека быть... человеком. В его изначальном, допадательном образе.

– То есть в образе Божиим?

– Именно в образе Божиим. То, что в православной традиции называется обожением.

– Я как раз хотел сказать об этом. Архимандрит Георгий (Капсанис), он – игумен афонского монастыря Григорию, утверждает однозначно: единственное условие, при котором достижимо обожение, – это физическое пребывание человека в храме. Ибо только там он получает благодать, а обожение возможно только по благодати.

– Это абсолютно верно. Быть хорошим, совестливым человеком очень хорошо. Но недостаточно, чтобы стать бессмертным человеком, приобщиться к глаголам вечной жизни, вкусить грядущее Царство. По сути – стать новым человеком, гражданином Неба. За этими словами стоит огромная реальность. Но людям не достичь Церкви Небесной вне Церкви земной, ибо последняя – своего рода посольство первой, ее представительство. А как можно попасть в иную страну, минуя посольство? Так что вне Церкви нет обожения. Как нет и свободы вне Бога. Точка?

– Точка. Благодарю вас, отец Андрей.

СКРЕПЫ

Если <...> нет связи человеческой свободы со свободой божественной, то нет и свободы. Если все дозволено человеку, то свобода человеческая переходит в рабствовавние самому себе.

*Н.А. Бердяев
(«Мировоззрение Достоевского»)*

Скажите, пожалуйста...

<i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i>	<u>Владимир Вениаминович Костылев</u> 71 год преподаватель вуза	<u>Наталья Николаевна Шаминева</u> 54 года домохозяйка	<u>Дмитрий</u> 27 лет экономист
В чем, на ваш взгляд, различие в понимании свободы верующими людьми и атеистами?	Свобода верующего человека определяется Божиими заповедями. У атеистов – нормами УК, ГК и другими законодательными актами.	Свобода верующего – это не на все позволение. Общество сейчас мы так освободили, что уже дальше просто некуда. Я против такой свободы.	И неверующий в душе стремится к Богу. Просто одним не хватает знания, не все могут разобраться, а другие считают, что того, что есть, им достаточно.
Когда вы чувствуете себя свободнее: позволяя себе все или в чем-то ограничивая себя?	Позволяя себе все, попадаешь в «сети ловчие» и на самом деле ограничиваешь свою свободу. А ограничение как раз дает свободу во всем, что позволяет вера.	Свободнее, когда не позволяю себе все, что хочется.	Если ни в чем не ограничивать, можно натворить такого, что не будешь знать, куда деться от стыда. А поставить в чем-то заслон и удержать его – на душе так легко...
Как вы считаете: для чего Господь наделил человека свободой воли?	Если человека лишить свободы, чтобы заставить всегда поступать правильно, он при первой же возможности будет грешить.	Наделил нас, чтобы мы понимали свободу, а не то, что нам навязывают. В свободе должны быть какие-то рамки.	Для того, чтобы не ограничивать человека ни в чем: ты можешь поступить хорошо или плохо, какой дорогой ты хочешь пойти – к Нему или от Него.
Чему вам труднее подчиниться: внутренним или внешним ограничениям?	Легче подчиниться внешним ограничениям, внутренних соблазнов значительно больше, и они коварнее.	Внутренним ограничениям мне подчиниться тяжелее, чем внешним. Снаружи всегда знаешь: это можно, это нельзя. А внутри – надо решать самому.	Внутренним всегда тяжелее. Внешние проще от себя отодвинуть, а внутренние, они всегда с тобой.
Хотели бы вы жить в обществе, где нет никаких ограничений?	Если не будет ограничений, вернемся к язычеству, к верховенству материального. Не хочу жить в таком обществе.	Нет, не хотела бы жить в обществе, где не существует никаких ограничений. Должны быть какие-то устои, ограничения.	Нет. Если нет никаких ограничений, то общество долго не просуществует.
Как вы реагируете, если проявление чьей-то свободы ущемляет вашу?	Все, что к нам приходит извне, – это воля Божия, и ее надо слушаться. Не всегда получается.	Вообще не реагирую. Ну, ущемляют – и чего? Наверное, надо реагировать нормально на это все.	Если человек поступает не так, как мне нравится, я терплю, пока он не влезает в мою свободу.

МОЖНО ЛИ БЫТЬ СВОБОДНЫМ ВНЕ БОГА?

Анкета «Лампады»

<u>Татьяна</u> 32 года руководитель детского хора многодетная мама	<u>Илья Алексеевич</u> <u>Буров</u> 23 года инженер-энергетик	<u>Наталья</u> 62 года пенсионерка	<u>Владимир Иванович</u> <u>Большаков</u> 60 лет пенсионер
У атеистов свобода близка к анархии и только для себя. У верующих свобода – это Бог, организованное понимание свободы каждого и свободы всех.	Вера – это зонтик, который оберегает от страхов и напастей. Поэтому я свободен. Атеисту только кажется, что он свободен. А он – раб страстей и грехов.	Как я понимаю, свобода и вседозволенность – это не одно и то же. У атеиста – вседозволенность, у верующего – свобода в рамках Божиих заповедей.	Атеисты считают, что быть свободным – это значит можно смело совершать любые грехи. А верующий осознает свою ответственность перед Богом.
Когда я начинаю себе позволять все, я чувствую себя какой-то преступницей. Совесть просыпается. Себя самого ограничивать очень трудно.	Вроде бы свободнее, когда решаешь, но это опасный путь. Потому что он как раз ведет в рабство ко греху и страстям, и неумным желаниям.	Ограничивая себя.	Чем больше я себя ограничиваю, тем более свободным я себя ощущаю. Чем меньше мы желаем, тем меньше у нас искушений.
Потому что человек – творение Божие и свобода – это божественное начало в нас, и то, как мы ею распорядимся, – и есть наш нравственный выбор.	Без свободы воли нет смысла в жизни. Жизнь для нас – как проверка, как экзамен: как его сдадим, так и пойдём. Наверх или вниз.	Господу не нужна принужденная вера в Него. Свобода воли дана для того, чтобы человек сам выбирал: например, веру в Господа или поклонение злу.	Свобода воли – чтобы человек мог сам выбрать свой жизненный путь. Господу нужно, чтобы человек сам к Нему пришел. Не из-под палки.
Лучше иметь внутренние ограничения – тогда ты не будешь обижаться на того, кто тебя ограничивает извне.	Смотря что считать внутренними. Если это то, что сам себе ставишь, с этим сложно. С внешними проще – есть какие-то рамки, то есть свобода – в подчинении.	Наверное, внешним. Внутренние я сама осознаю, понимаю, и подчинить их легче.	Труднее мне подчиниться внутренним ограничениям, потому что это всегда борьба с собой. Внешнее ограничение преодолеваешь, как правило, легче.
Нет, я не хотела бы жить в обществе, где нет никаких ограничений.	Нет, не хотел бы. Нашлись бы люди, которые очень злоупотребляли бы этой свободой и зашли бы слишком далеко.	Нет.	Нет, я не хотел бы жить в таком обществе, потому что это значит жить без закона. Человек по природе испорчен и слаб, ему нельзя полагаться только на себя.
Смирюсь, если это не вредит моей душе. Могу уступить, но если это уже противоречит совести, моим убеждениям, то стараюсь отстраниться.	Конечно, неприятно, когда свобода ущемляется. Для этого и есть общепризнанные правила, нормы, чтобы все чувствовали себя одинаково свободными.	Смотря как она проявляется.	Свое ограничение свободы я легко преодолеваю и стараюсь благодарить Господа Бога за то, что Он дает мне силы для этого. А вот за других переживаю.

Главные слова, усвоенные с детства

В послужном списке артиста Московского художественного театра Евгения Киндинова не менее пятидесяти ролей. Его фильмография – это тридцать девять названий. Были годы, когда выходили сразу по четыре картины с его участием. А «Романс о влюбленных» знают и помнят до сих пор вот уже тридцать девять лет, то есть чуть ли не внуки его первых зрителей. Однако свет собственной звезды не ослепил его, не затупил его совесть, не обрушил границы дозволенного и пристойного, как нередко бывает с людьми, и особенно с людьми его профессии. Почему? И вот я у Евгения Арсеньевича дома...

Павел Демидов

– Прежде чем я включил диктофон, вы с особым чувством говорили об отце. Видимо, своим образом жизни, своим поведением он заложил в вас очень важные основы, с которыми вы живете все годы, да?

– В первую очередь это его отношение к детям и вообще к семье. В последнее время я об этом вспоминаю с особой благодарностью.

– А почему в последнее время?

– Очень уж часто приходится наблюдать, как обостряются сейчас семейные проблемы.

– Как вы думаете, почему это происходит?

– Мне кажется, вопрос настолько многослойный, что однозначного ответа на него не найти. Это и неудержимая тяга к потреблению, она охватила всех – от мала до велика. И доступность всего, до чего может дотянуться рука, будь то еда, одежда, информация или развлечения.

– Вот мы и подошли к предмету нашего разговора: доступность и свобода. Если первое должно иметь хоть какие-то границы, это неизбежно касается и второго. Вы не находите?

– Разумеется, нахожу. Просто я в этом не вижу ничего страшного.

– Как же? Ведь речь идет о свободе, дорожке которой для человека ничего нет. Наконец, о свободе, которой надеלים его Господь Бог!

– Вы меня провоцируете? Разве не очевидно, что нет и не может быть свободы, синонимом которой становится вседозволенность? Рассуждения на эту тему стали настолько общим местом...

– Но что поделать, если в сегодняшней реальности между этими понятиями нередко стоит знак равенства. Особенно среди либеральной части общества.

– Боюсь, я не смогу привести какие-то новые аргументы в пользу несостоятельности этого тождества. А повторять прописные истины даже как-то неловко.

– Мне кажется, прописной истиной, за которую не будет, как вы говорите,

неловко, можно назвать ту нравственную основу, которую вы получили в отчем доме.

– Тут вы, пожалуй, правы. То, как нас папа воспитывал, отличалось удивительной особенностью, я с годами стал это осознавать. Жить приходилось трудно, но жилось легко. Думаю, что теоретических основ христианской жизни папа не знал, но ее практическое исполнение было безусловно православным. Все, что принято называть скучными словами «воспитательный процесс», держалось на трех столпах – любовь, радость, смирение. А родители, и особенно папа, личным примером воплощали эти принципы в жизнь. Мы, можно сказать, купались в родительской любви. И радость никогда не оставляла наш дом. Со смирением, правда, было посложнее.

– Вы сказали: «мы».

– Да, еще брат и сестра. Лев и Наталья Арсеньевны. Сестра – преподаватель театрального училища и актриса, живет в Зеленограде. Брат – в Москве, давно на пенсии. Мы видимся, общаемся...

– А какие у них отношения с Богом?

– С этим все нормально. Мы все были крещены еще в детстве. Церковную жизнь, правда, не вели...

– А кто тогда вел? Священники – и те чуть ли не тайком служили. Когда же и как состоялся ваш приход в храм?

– Точно не помню, но где-то конец шестидесятых – начало семидесятых.

– До вашего самого знаменитого фильма?

– «Романс о влюбленных»? Да, значительно раньше.

– Удивительная картина! Совершенно, конечно, не в стиле советского кинематографа.

– Сценарий пролежал на «Мосфильме» год. Видно, не знали, как к нему подступиться. Действие происходит в наши дни, а герои говорят стихами и даже поют.

– Для социалистического реализма это, конечно, белая ворона. А Кон-

чаловский справился прекрасно. При всей необычности, фильм лег на душу людям. Вы регулярно ходите в храм?

– Что значит «регулярно»?

– Лично для меня, например, это вечерние службы по субботам и воскресные литургии с причащением. Так когда-то наставил меня мой духовник, и я ему за это очень благодарен. Как и за научение ежедневно читать Священное Писание. При вашей работе такая практика, я понимаю, невозможна. Но вернемся к вашему первому посещению.

– Есть такая актриса – Екатерина Васильева...

– Теперь монахиня в миру.

– Совершенно верно. Она и привела меня в храм. А теперь я посещаю три храма. Напротив нашего дома – святого Владислава, поставлен в XVII веке, к отцу Владимиру Волгину в Софию Премудрость Божию и к священномученику Антипе, возле Пушкинского музея. Туда столько молодежи ходит! Так приятно... Там, между прочим, настоятелем протоиерей Димитрий Рошин...

– Сын Екатерины Васильевой. Мама словно передала вас сыну. Как интересно замкнулся круг! Вы на каком-то этапе жизни стали осознанно верующим. Это предполагает определенный кодекс поведения. И есть человек, далекий от веры. И у него есть кодекс. Один себя в чем-то ограничивает. Другой живет по принципу: я – личность свободная и делаю что хочу. То есть его не волнует проблема выбора. Вам же наверняка приходилось решать: сделать – не сделать, поступить –

не поступить. Чаще всего, я уверен, вы поступали так, как вам подсказывала ваша религиозная совесть. Как при этом вы чувствовали себя? Ущемленным? Ущербным? Или вам было легче, когда вы не заступали за красные флажки? Мол, захотел – и сделал.

– Помните, я называл вам три главных слова, унаследованных от отца, – любовь, радость и смирение? Они для меня – как камертон для настройщика. Стукнул металлической вилкой о край инструмента – и сверяешь с ответным звуком струны: совпадает или нет? Так стараюсь поступать и я, когда жизнь ставит перед выбором. Лично для меня такие понятия, как ограничение свободы, ущемление прав и так далее, мало что значат. Главное для меня в другом: насколько мой поступок, или слово, или эмоциональная реакция будут соответствовать звучанию любого из этих трех слов. Если звучание совпадает – значит, все в порядке. А если диссонирует – ищи, где фальшивит. Мне кажется, самое важное – определиться со своими внутренними нравственными ориентирами, чтобы было с чем сверять. А не печься о свободе ради свободы, чем, кстати, многие правозащитники сейчас и озабочены.

– Эти внутренние ориентиры, насколько я понимаю, пришли к вам как раз из православия.

– Я бы сказал, что на подсознательном уровне они пришли ко мне от папы, в детстве, а уже позже я нашел их и в православии, почему, собственно, эта вера и стала моей.

– Можно сказать, что вам не нужно было перечиваться в православного?

– Нет, православным я был всегда, просто поначалу я об этом не догадывался.

– Эти три слова так и идут с вами по жизни?

– Не только со мной. И с сестрой, и с братом. И с женой Галиной. И с дочерью Дашей. А теперь уже и с внучкой Сашенькой, правда, пока она несмышленишка.

– А как эти три слова реализуются в деле, которым вы занимаетесь?

– Если говорить о театре, – это такой эмоционально сложившийся, самодостаточный мир, что дай Бог хотя бы остаться в нем самим собой. Другое дело – ученики. В институте искусства и культуры у меня актерский курс. Я очень переживаю,

когда вижу в молодых людях отблески современного жесткого мира. Но я знаю, что это неизбежно, и понимаю свою задачу так: помимо профессии я должен прижить в них эти три заветных слова. Как, знаете, делают прививку человеку, чтобы в нем выработался иммунитет.

– Научиться любить человека – это уже уподобиться Богу, Который и есть любовь. А научить этому кого-то другого – вообще, мне кажется, удел избранных.

– Думаю, не столько избранных, сколько настойчивых и убежденных. Вот и в Евангелии сказано: «...никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия

Тот самый «Романс о влюбленных». Елена Коренева и Евгений Киндинов

Божия» (Лк. 9:62). Мой плуг сегодня – это и есть мои ученики. И от того, какими они будут, зависит моя благонадежность для Господа. Как все удивительно сплетено! Я когда-то получил нравственное наследство от родителей. Теперь я передаю его близким и своим ученикам. Если они не научатся любить человека, это скажется даже на их профессии: не будет нужного взаимодействия партнеров. А если оно не возникнет, нечего будет передавать со сцены в зал. И зритель уйдет пустым, и ему нечего будет отдать своим близким, а тем, в свою очередь... Так возникает круговорот пустоты и неприязни.

– Вы хотите сказать, что исповедание православной веры помогает в вашей профессии?

– Не «хочу», а я это говорю! Я не пытаюсь сделать их верующими людьми, каждый в свое время решит этот вопрос для себя сам. Я пытаюсь сохранить, укрепить, развить – называйте как хотите – то доброе начало, с которым человек

появляется на свет Божий. И я убежден, что поступаю правильно. У меня есть пример – собственная судьба. И есть те три слова, от которых отец провел линию моей жизни. В нашей профессии особенно важно держаться этого правила. Ведь она такая непростая! Ты зависишь от режиссера – без смирения это бремя трудно понести. На тебя вдруг свалилась слава – до чего легко возгордиться!

– А забвение?

– Пожалуй, это самое тяжелое испытание. Сколько прекрасных судеб оно изломало!.. Здесь особенно нужна вера. Вера в то, что Господь тебя любит и все, что делает, делает к твоему благу. Просто ты это не всегда можешь понять. Значит, потерпи.

– Сильнейшее искушение для души. А вы в таких случаях вспоминаете о Боге?

– Не могу сказать, что вот так уж прямо: что-то случилось – и я сразу к Боженьке в ножки. Есть главное: знаю, чувствую, что я не один на один со своей проблемой, что есть Он, Который меня не оставит. Недавно у нас в театре был вечер поэзии, и меня попросили почитать что-нибудь из Серебряного века. Я выбрал пролог к поэме Блока «Возмездие». Там есть строки, которые впрямую касаются нашего разговора: *Жизнь – без начала и конца. /*

Нас всех подстерегает случай. / Над нами – сумрак неминуемый / Иль ясность Божьего Лица. У Блока, который, как мы знаем, не отличался особой набожностью, последние две строки звучат как исповедание православной веры. Выбор за тобой, свободный человек: или ты уходишь во тьму, или выбираешь Бога. И еще строка, которая многого стоит: *Познай, где свет, – поймешь, где тьма.* Обратите внимание: поэт призывает *познать свет*, то есть сделать его личным опытом, впустить в свою жизнь.

– Иначе говоря, жить в Боге. И в этом он видит не угрозу свободе, а, напротив, условие ее реализации. Это очень ложится в русло нашей беседы.

– Скажу больше. В этих строках я читаю именно православный подход. Есть свет и есть тьма. Рай и ад. Никакого третьего, промежуточного, варианта типа чистилища не существует. Разве не то же утверждает православие? А призыв *познай, где свет?* Глагол стоит в повели-

тельном наклонении, и в этом поэт не видит ущемления свободы. Свет он призывает познать, а тьму – всего лишь понять. Сегодня, к сожалению, для многих людей стало чуть ли не определяющим то, что плохо. Сосед у меня плохой, на работе сотрудник такой-сякой, начальник куда не годится... А уж те, кто повыше... Послушать – нас окружают одни враги. Обвиняя других, человек неизбежно возвышает себя в собственных глазах.

– **Классический пример – евангельская притча о фарисее и мытаре.**

– Она и сегодня актуальна. Почему таким успехом пользуются все эти «Пусть говорят», «Право голоса», «Говорим и показываем»? Извращенно понимая свободу, мы возвращаем в себе дурные качества – гордыню, строптивость, осуждение, жестокость... И после этого удивляться, что жизнь идет наперекосяк?! Только в храме сбрасываешь с себя мирскую чешую. Когда видишь просветленные глаза, смягченные, добрые лица, слышишь благожелательную интонацию – как будто попал на другую планету.

– **У меня, например, когда я прихожу в храм, наступает ощущение свободы от всего мирского. Словно остались там, за порогом, проблемы, нестроения, необходимости... Ты словно приходишь сюда за свободой. У вас нет такого чувства?**

– Конечно, есть! Потому и сожалею, что не удается бывать там как хотелось бы, как, если хотите, нужно.

– **А часто вам приходилось в чем-то останавливать себя, ограничивать?**

– Приходилось. Как, наверное, приходится любому.

– **И как вы себя при этом чувствовали?**

– Не скажу, что решение всегда давалось легко. Человеку, как мне кажется, очень непросто разделить эти два понятия – свобода и вседозволенность. Всегда есть соблазн первое подменить вторым. Особенно если видишь примеры вокруг. Лично я всегда испытывал облегчение, когда удавалось устоять. Словно свежего воздуху плотнул. Наверное, это и есть ощущение свободы. Как все мы нуждаемся в умении отличить свободу от вседозволенности! Особенно – сегодня. Особенно – молодежь.

– **Как, по-вашему, можно объяснить ей эту разницу, воспитать эту способность?**

– Очень сложно.

– **Неужели все невозвратно ушло?**

– Не думаю. Хотя и иллюзий особых не питаю.

– **Я убежден, что без веры в Бога это невозможно.**

– Я тоже так считаю.

– **А насколько реальна сегодня христианизация общества?**

– Храмы, куда я хожу, всегда полны. Это вселяет оптимизм.

– **А что можно сказать о светской молодежи? Например, ваши студенты...**

– Впрямую я их об этом не спрашиваю. Но чувствую. Хотя бы по тому, кто какие ставит перед собой жизненные цели. Много работать, чтобы разбогатеть, построить дом, удачно жениться... Или: много работать, чтобы стать мастером, сниматься у выдающихся режиссеров, получать лучшие роли. Мне, конечно, по духу ближе вторые. Распознать человека, по-моему, в принципе не так и сложно. Даже по тому, как на вступительных экзаменах он читает стихи или басню. Что выбрал, на чем сделал акцент... И становится ясно, за чем он сюда пришел. Если ты сам внутренне настроен на прием, стремишься понять человека, то всегда прочитаешь его позывные. На вечере поэзии, о котором я уже говорил, в зале не было свободного места. А он на 1200 человек! Для меня это был праздник! Я бы сказал: даже не вечер – ночь поэзии – с полуночи до шести утра! Люди, которые так чувствуют слово, не могут не слышать Бога, ибо «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1).

– **Вы – уже сложившийся человек. И надо полагать, многое в вашем внутреннем мире не стыкуется с сегодняшним внешним миром. Как вы выходите из положения? Примиряетесь? Стараетесь исправить? Обходите молчанием?**

– С чем-то мирюсь, что-то терплю. Стараюсь исправить?.. В таком амплуа я себя не вижу: я не страдаю вождизмом. С чем едва ли смогу срастись, так это с цензурой денег.

– **Интересное выражение.**

– Оно принадлежит одному известному кинорежиссеру. Он сказал, что советская идеологическая цензура – это детский лепет в сравнении с нынешней цензурой денег.

– **Не могу сказать, что он так уж неправ. Мне кажется, людей-творцов, а это практически любой дееспособный, можно разделить на три категории: одни творят ради денег, и их сегодня все больше; другие – беззаветно служат своему делу, этих никогда не было в избытке; третьи – наиболее нравственно**

опасные – озабочены только самовыражением, ниспровержением того, что было до них, утверждением себя в качестве точки отсчета во всем, будь то искусство, литература, государственное устройство, законодательство, мораль...

– Третья категория встречается, увы, все чаще. Сегодня она очень настойчиво диктует свои правила поведения. И тем самым навязывает несвободу окружающему миру. Какой парадокс!

– **«Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».**

– Шекспир знал толк в людях. Интересно было бы поговорить с ним о свободе.

– **Но пока мы говорим с вами. Евгений Арсеньевич, свобода – это все больше ощущение, чем состояние?**

– На профессиональном языке это, скорее, состояние, отсутствие у актера зажатости.

– **А можно, находясь в тюрьме, чувствовать себя свободным? Или – сидя на царском троне – узником?**

– Безусловно. Все зависит не от самих обстоятельств, а от того, как ты к ним относишься. То есть все опять возвращается к религиозности. Лично мне приносят ощущение свободы те внутренние духовные ориентиры, светлые ориентиры, которые дает наша православная вера. Она спасает от самообмана и от обмана вообще. И оттого ты идешь по этой дороге с радостью и свободно. Можно ли быть свободным не веруя в Бога?.. Я убежден, что нет.

– **Образно говоря, свободен лишь раб Божий. Любой иной – тоже раб, но только у своих страстей. Он и будет всю жизнь горбатиться на них. А страсти границ не знают, им только дай волю. Пока не выяснится, что все – суета сует. А что не суета, Евгений Арсеньевич?**

– То, чему учил меня мой отец, Арсений Степанович Киндинов, обыкновенный крестьянин из Рязанской области, муж Любови Петровны, моей мамы, такой же крестьянки. Он при виде нас, своих детей, плакал от радости, что мы у него есть. Чтобы деревенский мужик заплакал, тем более от радости, – согласитесь, такое редко встретишь. Вы спрашиваете, что не суета? То главное, чему я вот уже восьмой десяток лет учусь и у Господа Бога. Великой науке любить людей.

– **Помоги вам Господь на вашем прищипке. Благодарю за встречу и беседу.**

Ирина Ушакова

Отец Владимир

Отец Владимир говорит, что так молиться, как здесь, невозможно нигде

Снова мы в гостях у отца Владимира. Входим в дом. Батюшка, едва успев снять подрясник, берет и прижимает к груди маленькую рябюю кошечку, гладит суровыми руками. Матушка Лера, отворачиваясь и уходя в кухню, бросает мне: «Ириш, обрати внимание, какой у нее окрас, окрас-то редкий!».

Сумерки. Глубокие туманы застилают последний дом на краю села, где до ночи не смолкают наши разговоры. Рассматриваем фотоальбом, принадлежавший деду матушки Валерии – протоиерею Александру Стефановскому. Он был последним перед революцией настоятелем Троицкого храма, ныне – московского подворья Троице-Сергиевой лавры. Из рук Леры принимаю фотографию патриарха Тихона (Белавина) с дарственной подписью отцу Александру. И эта карточка, что держал в руках святой человек, переносит мои мысли на столетие назад.

Прихожанами Троицкого храма были: семья Льва Пушкина – деда поэта, граф А.И. Остерман-Толстой, семья актера Ивана Щепкина; расписывал храм Виктор Васнецов, живший неподалеку. А Митрополичьи палаты за Троицким храмом – место частого пребывания патриарха Тихона.

Многое пережито потомками священноисповедника Александра Стефановского! Дети его были талантливыми музыкантами, их дом часто посещал Сергей Рахманинов. Мог ли предви-

деть настоятель этого старинного храма в центре Москвы, куда стекались сотни разносословного народа, что в новом, двадцатом, веке о храме забудут больше чем на полстолетия, что вокруг него зашумят индустриализация и коммунистические стройки, рассеются по свету его прихожане? А мог ли предвидеть отец Александр Стефановский, что в конце двадцатого столетия его внучка будет замужем за священником, а правнуки его станут музыкантами и будут помогать отцу – алтарничать в храме и петь на клиросе? Быть может, и предвидел. Все возвращается. Прорастают когда-то посеянные всходы.

Вокруг тишина-а-а. Отец Владимир мечтал уехать из Москвы вот в такой

тихий сельский приход. Он говорит, что так молиться, как в этой тишине, невозможно больше нигде. Истинно! По стенам дома висят картины из тополиного пуха по войлоку. Это бабушка Валерии создавала такую красоту для внуков, а теперь и для правнуков. Кирилл – средний сын отца Владимира и матушки Валерии – до позднего вечера играет на скрипке в просторной бане, стоящей почти в поле. «Мы уже и прятали инструмент, чтобы юноша отдохнул. Ничего не помогает». Так и звучат над полем плакучие звуки Паганини. А в просторной гостиной мы с отцом Владимиром сидим в креслах, поодаль друг от друга. Валерия садится за старинное бабушкино фортепиано с канделябрами, взглядом вопрошая нас. И мы с батюшкой в один голос одобрительно произносим: «Полонез Огинского!».

Что же роднит времена, в которых жили наши предки и живем мы? Самопожертвование. Служение. Или, может, любовь к тому, что близко сердцу...

– Не забывай нас, – говорит мне матушка.

– Как же я могу забыть вас, когда над обеденным столом у меня висит ваша старинная икона Спасителя! Давно-давно я загляделась на нее, а ты говоришь батюшке: «Ирише икона понравилась». А батюшка тут же: «Снимай. Отдавай!».

Конечно, они этого не помнят. Пятнадцать лет прошло. Скольким за это время всего раздали...

Гаврасы и Ховрино: связь времен

Сегодня мы завершаем проект «Архивариус» – серию публикаций, посвященных истории храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине. В связи с этим хочется еще раз вспомнить о первых владельцах этой земли, воздать заслуженное памяти их потомков. При всей несхожести биографий наших исторических персонажей у них было нечто общее – они почитали Бога и строили храмы. Причем добрая привычка строить храмы и благоустраивать монастыри сформировалась у ранних владельцев Ховрина, что называется, на глубококом генетическом уровне.

На южном берегу крымского полуострова в окрестностях города Алушты у подножия живописной горы Демерджи расположены древние руины средневековой крепости Фуна. Там в специально оборудованной нише хранится икона Святого Феодора Стратилата. Он считается небесным покровителем старинного рода Гаврасов¹, к которому принадлежали главные вожди (князья) православного государства Феодоро, представлявшего весьма значительную силу на политической карте средневекового Крыма.

Согласно житию святой Феодор Гаврас был представителем знатной и богатой семьи, происходявшей из восточ-

¹ О российских потомках князей Гаврасов, управлявших средневековым православным государством Феодоро, находившимся на территории Крыма, «Лампада» рассказывала в статье «Московский след крымских Гаврасов» в № 6 (93) за 2013 год.

ных фем (военно-административных округов) Халдии и Колонии (две области на малоазийском побережье Черного моря). Местом его рождения считается небольшой городок Арта в горной части Халдии. С молодости серьезно занимаясь военным делом, Феодор Гаврас приобрел славу непобедимого воина и талантливого полководца. Его армия успешно противостояла нашествию турок-сельджуков на византийские провинции.

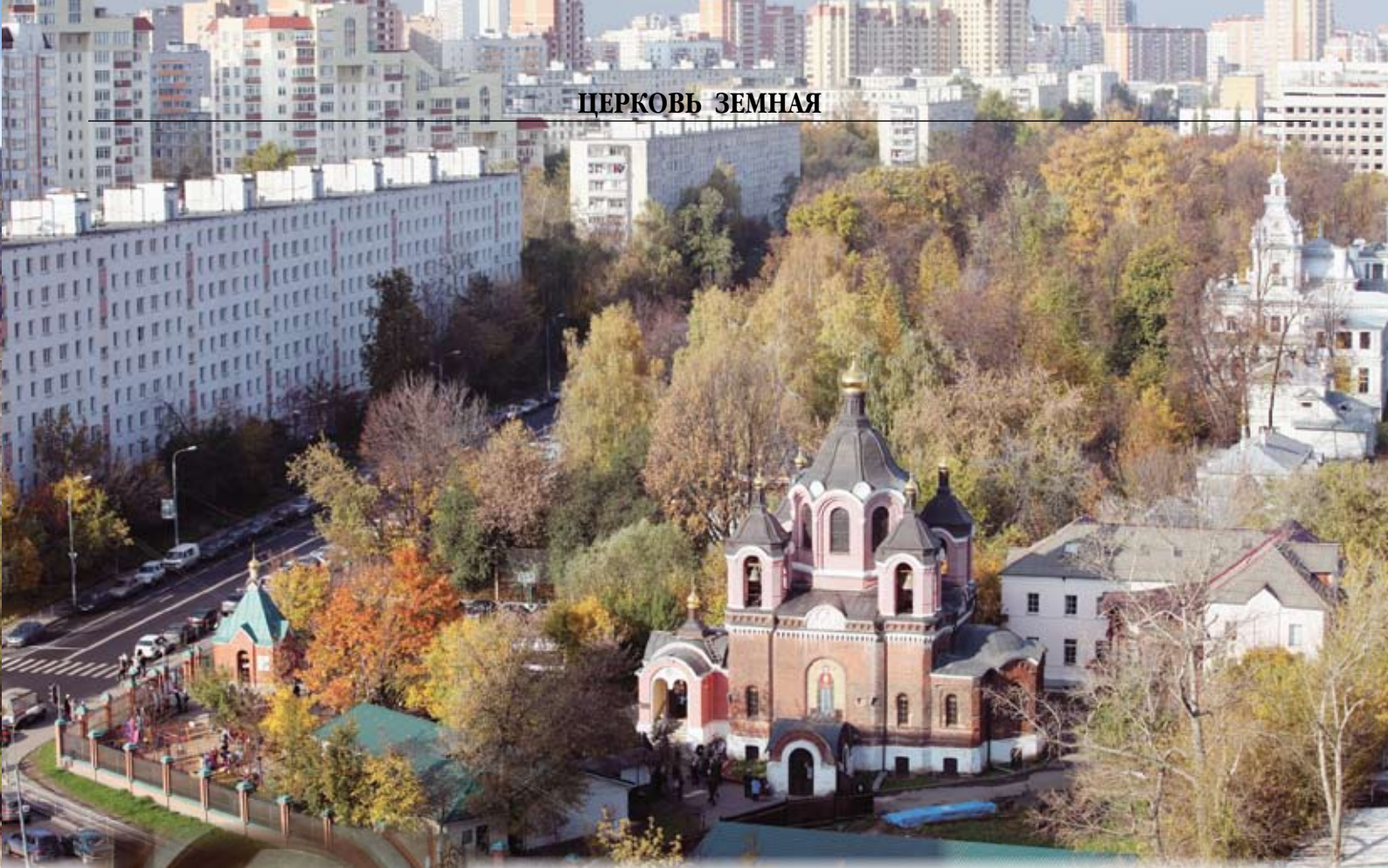
В конце XI века святой Феодор Гаврас делает богатые приношения известным понтийским монастырям Вазелонас и Панагия Сумела. Не пожалел он денег и на строительство женского монастыря Святой Троицы, названного после его гибели монастырем Святого Феодора Гавраса Стратилата. Предположительно в 1098 году Феодор Гаврас попал в плен к сельджукам. За отказ принять чужую веру он был жестоко

Икона св. Феодора Гавраса Стратилата в феодоритской крепости Фуна

убит. В России воин-мученик почитается как святой Феодор Атранский и Халдийский. Его память празднуется 15 октября. Стоит отметить, что крымское княжество Феодоро своим названием было обязано его имени.

Шло время. В самом конце XIV века власть в государстве Феодоро переходит к князю Стефану Васильевичу Гаврасу. Дальновидный дипломат и опытный политик, Стефан Васильевич, передав правление сыну Алек-

Главный образ храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

сею, отправляется со вторым сыном, Григорием, в дальнее путешествие на Русь – налаживать контакты с московским князем (из русской летописи известно, что в Москве тогда жили князь Готский Стефан Васильевич Ховра и его сын, тоже, кстати, Григорий). В русских источниках князя Стефана часто называют сурожским купцом или сурожским гостем. Очевидно, такое прозвище возникло по той причине, что он был весьма богат,

а среди его крымских вотчин значился и город Сурож (древнерусское название современного Судака).

Стефан Васильевич Гаврас, его сын Григорий, а также их сподвижники, принимавшие участие в этом многотрудном путешествии, отнюдь не были крымскими пионерами на московской земле. К моменту их прибытия в Москве уже активно формировалась колония их земляков. Городские предания и названия улиц сохранили память о той эпохе. В историческом центре Москвы есть два переулочка – Большой и Малый Златоустинские. Они названы в честь святителя Иоанна Златоуста. Во имя его в старой Москве был освящен древний монастырь, стоявший до революции между Мясницкой и Покровкой. Именно эта обитель дала старомосковское название двум упомянутым переулочкам.

Точно не известно, кем и когда был основан московский Златоустовский монастырь. Достоверно лишь то, что первая деревянная церковь во имя Святителя появилась здесь примерно в конце XIV века, задолго до слободских поселений мясников и огородников. Она была построена на древнем московском посаде, который в то время простирался от самого Кремля до

Лубянки. Возвели этот храм богатые сурожские купцы, которые заводили интенсивные коммерческие контакты между Москвой и Таврикой (Крымом). Весьма вероятно, что в основании Златоустовского монастыря самое активное участие также принимал и Стефан Васильевич Гаврас-Ховра со своими сурожскими родственниками.

В наши дни о древней обители напоминает лишь мемориальная доска, на стене дома № 5 по Малому Златоустинскому переулочку. Похоже, эта незамысловатая постройка есть часть сохранившихся келейных помещений.

В Москве князь Стефан принял монашество под именем Симон. Григорий после смерти отца основал монастырь, названный в его честь Симоновым. Потомки Стефана Васильевича Гавраса-Ховры – Иван Голова, Иван Третьяк, Иван Четвертак, Дмитрий Овца – дали начало многим известным дворянским родам, приблизились ко двору; ссужая великому Московскому князю значительные денежные суммы, занимались крупными постройками в городе. Сегодня мы назвали бы этих людей стратегическими инвесторами Московского княжества. Так, Григорий Гаврас, сын, построил в Симоновом монастыре Успенскую церковь, а внук

Малый Златоустинский переулок, дом 5. Все, что сохранилось от монашеской обители

Василий, «гость да боярин великого князя», возвел на своем дворе в Кремле каменную церковь Воздвижения. Вот этот-то «боярин» Василий и был, по видимому, первым из Гаврасов, кто по праву стал носить фамилию Ховрин. К сожалению, у нас пока нет достоверных сведений о том, кто из ранних московских Гаврасов был первым владельцем вотчины на реке Лихоборке, получившей название Ховрино.

Историками установлено, что в конце XVI века в Ховрине была поставлена церковь во имя великомученика Георгия. Строил ее потомок Стефана Гавраса Василий Третьяков-Ховрин. Храм сожгли отступники в Смутное время, а возродил его могущественный боярин Василий Борисович Шереметев.

Судьба самого боярина, которому в Москве принадлежали богатые каменные палаты на Маросейке (ныне дом № 11), сложилась печально: он попал в плен к крымским татарам (фактически оказался на родине Стефана Васильевича Гавраса), провел там двадцать лет и только перед смертью смог вернуться в Москву. Перед его возвращением супруга, много лет добивавшаяся освобождения мужа из плена, выстроила в Ховрине вторую деревянную церковь, в честь иконы Божией Матери «Зна-

мение». Церковь имела приделы преподобного Сергия Радонежского и святителей Московских Петра, Алексия и Ионы. Так началась история нашего Знаменского храма, о котором мы подробно рассказали в рамках нашего проекта.

В дальнейшем усадьба Ховрино часто меняла своих владельцев. В ее истории было немало периодов процветания, подъема, случались и годы испытаний, упадка и даже запустения. Тем не менее в этих местах, чувствуется, продолжает жить крепкий дух ее первых владельцев – Гаврасов-Ховриных. Благодаря своему сильному характеру, закаленному в испытаниях и борьбе на суровых, скалистых пространствах крымского полуострова, они не только смогли прижиться в Москве, но и пустили здесь свои новые глубокие корни. Потомки рода Гаврасов-Ховриных украшали свою новую родину, Россию, величественными храмами и монастырями, принимали самое активное участие в укреплении и развитии ее государственности. И пусть добрая память

о них хранится под сводами нашего храма в честь иконы Божией Матери «Знамение», а их мужественные образы служат нам примером верности

своим традициям и своим духовным корням.

***К сему: ваш Архивариус,
он же Вадим Рутковский***

Улыбка бабы Тани

Идем во Всехсвятский скит. Сосна, которую писал Шишкин... Зачем писал?.. На Валааме... Странно... Вот и скит. Женщинам вход воспрещен. Они остаются у ворот, а мы втроем входим. Мальчишка бывал тут уже несколько раз. Он лихо бежит к двум копающим грядки монахам: «Батюшка, благословите!».

Тот, небольшой, что в высоких кирзовых сапогах, потертой камилавке, с большой рыжеватой бородой, благословив мальчика, обернулся ко мне. Я протянул руки. Он благословил. И задержал мои руки в своей.

Мы стоим. Мои руки – в его руке. Он держит мои... Неловко, не по себе как-то... Не отпускает и улыбается так по-детски, необычно... Под этой сильной бородой – молодое лицо, совсем молодое... и улыбается. Нет того стеснения, которое у меня, а что-то необычное, простое-простое... Где же я видел такое лицо? Такое сродное лицо... ну где?

А он держит руку и улыбается, совсем чуть-чуть... И я, теряя стеснение, всматриваюсь в его лицо. Где, где я мог его или хотя бы такое же видеть?.. Где?.. Странно... Мы стоим на грядке, наши руки соединены, и он, чуть-чуть улыбаясь, не выпускает моих ладоней.

Мне говорили, что он необыкновенный, прозорливый, а вот мы стоим, и мне не надо ничего, кроме того, чтобы вспомнить, где я мог видеть лицо, которое даровало мне такой же покой, как и это...

Вспомнил!
Баба Таня, сестра отца. Конечно, баба Таня.

Она так же держала голову, как и он, – чуть набочок. Она, конечно, она...

Еще издали было видно ее согбенную фигуру в огороде...

– Баба Таня, это мы!

Она распрямилась, высыпая из подола что насобирала туда, и, всплеснув руками, бежала к нам.

Смешная старушка бежала, правда, бежала, а мы – крутые, взрослые, самостоятельные, нам по четырнадцать...

Подбежав, она смешно переминалась с ноги на ногу, не целовала, не обнимала, а вот так стояла и переминалась и смотрела на нас молча, а потом клала указательный свой палец на морщинистую щеку и кивала головой, как бы говоря: «Ай-ай-ай!».

А я стоял и молодыми сильными глазами глядел на ее руки, на эти деревянные, корявые пальцы с черной землей под давно не стриженными ногтями: «Эх, бабка, бабка, темень деревенская...».

– Ах, вы ж мои хлопчики, золотцы мои!.. Та пишлы жэ у хату, що мы тут стоим?! Ай, рятуйтэ, люды, хлопчики до мэнэ приихалы. Та сидайтэ жэ за стол, у мэнэ и наливка е, и огурчики, та помидорчики.

Усаживала. Наливала.

Мы садились, пили наливку, что была гарным первачом. Ели, пили, зубоскалили, а она стояла, перетоптываясь с

ноги на ногу, подперев деревяшкой своей морщинистую щеку.

– Ай, хлопчики, ай, хлопчики ж вы мои, приихалы до бабы... Ай, хлопчики, ай, хлопчинятки, до бабы приихалы...

Наевшись, напившись, шли на сеновал играть в карты, курить, палить свечи на крыше и пить ее гарный первач, который утащили с застолья...

Я смотрю в лицо монаха: ну точно баба Таня, незабвенная моя, незабытая навсегда! Ну почему, откуда это? Почему в его лице я вижу ее лицо, девственную чистоту лица ее, хотя и дети были, и муж бил...

Нос ее необычайной высоты и тонкости... Хотя и в морщинках. Такие носы в русской иконе... И брови – как подпружные арки храма.

Баба Таня, отзовись! Мне, старику, отзовись!

Он, улыбаясь, отпускает мои руки.

Я тащу воду нашим женщинам, которые за воротами. Потом иду в храм, куда чуть позже он вводит батюшку и великолепным языком что-то объясняет ему... А я думал, что он немой...

Потом, позже, трудник один на катере рассказал, что он – француз, что окончил Сорбонну, что доктор, магистр, что у него было блестящее светское будущее, но он приехал на Валаам, чтобы стать здесь монахом. Русским монахом с тихой улыбкой моей далекой, незабвенной моей бабы Тани.

Остров Валаам

Семен Перцев

Крестный путь крестителя Руси

Поклонный крест в Инкермане.
Севастополь

Деятельность любого правителя во многом зависит от того духовного наследства, которое он получил от своих родителей и близких родственников. Говоря современным языком, от той духовной и психологической атмосферы, которая с детства окружает человека в его родной семье. Будущий креститель Руси был сыном великого князя Киевского Святослава Игоревича – князя-воина, князя-завоевателя, самого, пожалуй, яркого и заметного героя нашей первоначальной истории. Но при этом детские годы князя Владимира нельзя назвать счастливыми и безмятежными. Дело в том, что мать Владимира была незнатная женщина по имени Малуша – ключница, иначе – домоправительница. А по законам Древней Руси человек такого социального положения оказывался в положении раба своего господина. Так что происхождение Владимира Святославича не могло не наложить отпечаток на всю его судьбу.

Драма детства княжича становится очевиднее, если помнить, что его бабушка – княгиня Ольга – была христианкой. Людям моего поколения, чьи детство и юность пришлось на эпоху тотального атеизма, было знакомо, что именно советские бабушки выполняли важнейшую (и нередко – тайную) миссию – сохраняли и передавали потомкам духовные традиции нашего православного народа. Под руководством бабушек верующие родственники или близкие надежные друзья несли младенца в храм, чтобы над ним соверши-

Дорогой читатель «Лампады»! Мы с вами уже давно знакомы, и это дает мне право сделать одно искреннее, но парадоксальное признание – я не люблю писать юбилейные тексты. Тем не менее призыв редакции написать статью, посвященную тысячелетию успения святого равноапостольного князя Владимира вызвала в моем сердце самый горячий и живой отклик. По моему глубокому убеждению, личность крестителя Древней Руси очень близка нам, жителям России XXI века.

С моей точки зрения, главная загадка и сокровенная тайна этого исторического исполина, любовно прозванного народом Владимиром Красное Солнышко, заключается в удивительном и непостижимом превращении язычника и братоубийцы, гонителя христианства и законопреступника в просветителя отечества, человека высочайшего духовного подвига. Статью о нем я решил написать для того, чтобы постараться помочь себе и вам, дорогой читатель, хотя бы немного приблизиться к разгадке этой тайны и еще раз утвердиться в истине: путь ко Христу – это тернистый путь к вере, которым сегодня идут многие наши современники.

лось таинство Крещения. Казалось бы, и княгиня Ольга могла позаботиться о крещении своего внука. Однако предание повествует лишь о приступах гнева княгини-христианки по отношению к «гражданской жене», как сказали бы сейчас, и к тому же язычнице Малуше. Да и родился Владимир не в Киеве, при княжеском дворе, а в некоем селе Будутина Весь, куда властная Ольга загодя сослала беременную невестку.

Обидное прозвище «робичич» долго будет преследовать юного княжича. Единоутробные Ярополк и Олег не могли не чувствовать превосходства над своим единокровным братом, и, стало быть, с самой ранней поры между ними не могло не возникнуть отчуждения. Для Святослава Владимир также не стал объектом отцовского обожания. Да и вообще Святослава мало волновали дела семейные. В Киеве он бывал редко, детьми почти не занимался. В свою очередь, и Владимир, вероятно, не чувствовал привязанности ни к кому в своей семье – ни к отцу, ни к бабке, ни к братьям.

Размышляя об особенностях детства Владимира Святославича, невозможно избежать невольного предположения, что юный князь рано познал вкус печального напитка по имени одиночество. Однако предаваться страданиям было, похоже, не в его натуре, к тому же требовалось усердно овладевать навыками будущего правителя, полководца, хозяина. В то далекое от нас время люди, а особенно мужчины, взросли

рано (жили мало, расслабляться некогда). В три года дитя становилось мальчиком, будущим мужчиной и воином. С этого времени мальчика воспитывал отец или, как это всегда бывало в княжеских семьях, особый воспитатель, «кормилец». Таким «дядькой» стал для Владимира его родственник со стороны матери Добрыня. В нем Владимир и обрел человека, чье доброе отношение к себе он ощущал постоянно, на чью поддержку мог рассчитывать. Именно от него он получил первые качественные уроки управленческого и боевого искусства.

Тем не менее особое положение Владимира в княжеской семье не могло не сказаться на его мировоззрении. Будущий креститель Руси рано осознал, что в жизни ему в основном придется рассчитывать только на себя и... на Бога. Но – какого? Единого Бога Вседержителя, Творца неба, земли и всего сущего во вселенной Владимир тогда еще не знал, однако интуитивно к Нему стремился. Пройдет время. Не выдержит внезапного вторжения печенегов и жестокой осады Киева властная княгиня Ольга. В конце зимы – начале весны 972 года при попытке прорвать блокаду у днепровских порогов погибнет великий Киевский князь и славный воин Святослав. В 978 году при поддержке многочисленной варяжской дружины двадцатилетний Владимир захватит Киев, низложит и убьет брата Ярополка и станет великим Киевским князем. Одной из первых

реформ, предпринятых новым правителем, станет большая религиозная реформа, в ходе которой новый Киевский князь попытается свести всех главных языческих «богов» в единый пантеон, надеясь тем самым избавить Русь от вероисповедного раздробления. Летопись сообщает: «Постави [Владимир] кумиры на холму вне двора теремного. Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И жряху им нарицающе их «боги». И привожаху сыны своя и дщери и жряху бесом (то есть приносили им жертвы. – В. Р.). И осквернаху землю требами своими, и осквернися кровью земля Русская...».

Надо сказать, что киевским кумирам приносили, среди прочих, и человеческие жертвы. Если жребий падал на отрока или девицу из христианской семьи (а на Руси уже были к тому времени христиане, например бояре Аскольд и Дир) и члены семьи противились языческому обычаю, то их убивали вместе с потомством. Именно в этот жестокий исторический период на Руси просияли первые христианские мученики (варяг Феодор и его сын Иоанн). Религиозную реформу постигла судьба многих иных российских реформ – полное фиаско. Механическое соединение разных языческих божеств выглядело, как попытка сделать салат из селедки, персиков и кетчупа. Киевский пантеон никого не объединил.

Свое поражение в качестве языческого религиозного реформатора князь Владимир пережил спокойно и мудро. Этот провал он воспринял как знак того, что язычество представляет собой неправильную религию, неудобную Кому-то Высшему и Непостижимому. Но как и где найти правильную? Не будь я православным христианином, непременно сказал бы: помог случай. Но я скажу иначе: помог Промысл Божий. Не зря же поэты и философы говорят, что случай – это голос с небес, подсказка Бога.

А произошло вот что. С 976 года в Византийской империи правили вместе два брата – Василий II и Константин VIII. Старший (Василий) производил впечатление человека деятельного и целеустремленного, младший (Константин), напротив, казался беззаботным прожигателем жизни. За годы

Часовня на месте, где, предположительно, крестился князь Владимир. На заднем плане – Владимирский собор

правления этого тандема Византии случалось испытывать взлеты, но чаще она оказывалась на грани хозяйственных, политических и социальных потрясений. Так случилось и на этот раз. 14 сентября 987 года талантливый, храбрый и дерзкий византийский полководец Варда Фока открыто провозгласил себя императором ромеев (граждан Византии) и переобулся в красные башмаки – главный признак императорской власти. Самозванца признали войско и флот. В распоряжении Фоки находилась также сильная гвардия, составленная преимущественно из иверийцев (грузин). Уже к концу года Фока овладел восточной частью империи, занял все морские пристани и порты Малой Азии.

Энергичный Василий II обратил свой взор на север, в сторону Руси, которая по договору 971 года считалась официальным союзником Византийской империи и должна была оказывать ей помощь в случае нападения извне. Выполняя союзнический долг, Владимир отправил на помощь законным правителям Византии многотысячный экспедиционный корпус. С его помощью Василию II и Константину VIII удалось подавить мятеж самопровозглашенного императора Варды Фоки. Ради укрепления политического союза с мощной империей великий Киевский князь изъявил желание взять в жены византийскую принцессу – се-

стру императоров-соправителей Анну. А брак с христианкой мог быть заключен лишь в одном случае: если сам Владимир Святославич примет христианство. И Владимир Святославич решил креститься.

Из Константинополя в Киев прибыл священник, который и совершил таинство. Новообращенный получил христианское имя Василий. Оно, очевидно, указывает на крестного отца князя Владимира, которым (разумеется, заочно) стал император Василий II. В переводе с греческого языка имя Василий значит царственный. Князь Владимир принимал как бы новый титул – царствующего над своими подданными, подобно своему порфирородному тезке.

А что же Анна? Несмотря на то что жених, как и обещал, принял христианство, невесту не спешили отправлять из Константинополя. И рассерженный Киевский князь решил восстановить справедливость силой. Для этого он осадил Корсунь (Херсонес) – богатый византийский город в Крыму, располагавшийся на территории нынешнего Севастополя. Херсонес был отлично укреплен и считался почти неприступным. Город находился на полуострове, соединявшемся с сушей лишь узким перешейком на западе. С севера его омывали волны Черного моря, с востока глубоко в линию берега врезался залив – нынешняя Карантинная бухта Севастополя. В древности к ней тянулась глубокая и узкая балка, защищавшая крепость с юга. Западная часть города ограничивалась нынешней Стрелецкой бухтой – не очень глубоким, но обширным заливом. Каменные стены города достигали пятнадцати метров в высоту и трех (а в некоторых местах даже шести – десяти) метров в толщину. На наиболее опасных участках крепость окружала вторая, дополнительная боевая стена – так называемая протеихисма.

Владимиру и его войску пришлось немало потрудиться для победы – город сдался только после многомесячной осады. Теперь наконец братья-императоры вынуждены были подчиниться. Анна приплыла в Корсунь, где и состоялось ее бракосочетание с Киевским князем. Изнурительная война и ожидание Анны совершенно изменили

Крещение войска князя Владимира в Херсонесе. Фрагмент диорамы художников П.В. Рыженко и А.М. Самсонова

Владимира: князь принял новую веру уже не только на словах, но и на деле. Роль, которую сыграла Корсунь в жизни князя Владимира и в христианизации всей Руси, была огромной. Ведь именно взятие Корсуни действительно привело к очевидному для всех перерождению нашего героя. Он выступил из Киева одним человеком – исполненным гнева, жаждущим отмщения,

склонным к разрушению и убийству, а вернулся на родину почти год спустя совершенно другим. Может быть, этому способствовала тяжелая болезнь, которая – по свидетельству летописи и княжеского жития – приключилась с ним незадолго до свадьбы. Или, может быть, благотворное влияние Анны, общение с корсунскими и константинопольскими священниками? Или само влияние Херсонеса, города с почти тысячелетней христианской историей?

Этот город знал апостола Андрея, просветителя всего Севера. Вблизи Корсуни можно было увидеть камень, на котором отпечатались ступни ног святого: когда прибывала морская вода и наполнялось углубление в камне, к нему устремлялось множество страждущих; они зачерпывали воду и омывались ею, получая исцеления от недугов.

В этом городе, по преданию, принял мученическую смерть святой Климент, папа Римский, утопленный в море по велению императора Траяна. Херсониты рассказывали о том времени, когда тело мученика лежало в море, расступавшемся в дни его памяти, чтобы открыть доступ к гробу. Храм во имя святого, сооруженный, по преданию, руками апостолов на одном из ближ-

них к городу островков, в течение многих веков считался еще одной великой христианской святыней.

В Херсонесе, наконец, побывал и святой Константин Философ, равноапостольный первоучитель славян, создатель славянской азбуки. Он первым перенес мощи святого Климента Римского в город, а часть мощей забрал с собою (впоследствии он положил их в церковь Святого Климента в Риме, где и сам был похоронен). Здесь, в Херсонесе, святой Константин обрел «русские письмена» – еще одну, на этот раз незримую и невещественную святыню русского христианства.

Владимиру поистине было с кого брать пример ревности в вере и христианском подвиге. Затянувшееся пребывание в Корсуни стало для него временем духовного перерождения, религиозного переворота. То формальное крещение, которое было воспринято им в Киеве под влиянием политических обстоятельств, теперь наполнилось подлинно высоким содержанием. Таким непростым, но верным оказался путь ко Христу и путь к кресту сына великого Киевского князя Святослава и рабыни красавицы-язычницы Малуши.

Вадим Рутковский

Херсонесский колокол

Александр Трифонов, Сергей Долгов

Спортзал и Церковь: так строится линия жизни

Ответы на незадаанные вопросы

Алексей Капраненко и его православные каратисты

Окраина подмосковных Люберец. Дворец культуры «Искра», что при знаменитом вертолетном заводе имени Н.И. Камова. Спортивный клуб восточных единоборств. Место ли ему на страницах православного журнала?

Клуб родился в мае 1991 года стараниями тренера-преподавателя высшей категории по каратэ-до Алексея Алексеевича Капраненко. За это время вошел в Московские областные федерации каратэ-до WKF и каратэ-до Сито-рю, Федерацию Сетокан и Национальную Федерацию каратэ. Его спортсмены в составах сборной команды Москвы и России успешно борются и нередко выходят победителями кубков мира и Европы, участвуют в международных турнирах в ЮАР, Англии, США, Венгрии, Словакии, Турции, Эстонии, на Украине. Есть и победители чемпионатов Москвы, области и России. Занимаются в клубе более 160 человек в возрасте от 4 до 50 лет. И все же: почему восточные единоборства?

Вопрос для Алексея Алексеевича, похоже, не нов. Наверное, потому и ответ, можно сказать, наготове:

– На Востоке, где зародились каратэ и его разновидности, всегда ценили силу.

Слабых там не уважали. Совсем как сейчас в нашей жизни. Я остро переживал все, что досталось нам после распада Советского Союза. Но я, как патриот, чувствую ответственность за свою родину, за наше будущее. Потому и выбрал детский спорт, хотя не имел к нему прямого отношения: образование-то у меня высшее техническое.

И все же: почему именно восточные единоборства? Мало нам своей борьбы: кулачного боя, самбо наконец? Капраненко словно слышит не прозвучавший вопрос.

– Каратэ – это глубоко продуманная система подготовки молодого человека к жизни за борцовским ковром-татами. Оно воспитывает твердый характер, уверенность в себе и своих силах. Чтобы овладеть в полной мере навыками восточных единоборств, нужны определенные задатки: упорство, настойчивость, умение терпеть, сносить и прощать обиды, держать удары, преодолевать травмы и их по-

следствия. Конечно, не все молодые люди готовы к таким испытаниям. С твердым характером и силой воли не рождаются – так говорю я детям. Эти качества каждый из вас должен воспитывать в себе, а тренеры вам в этом лишь помогают. Но те, кто занимается у нас в клубе по десять лет и больше, – вовсе не редкость. Более того, через какое-то время я вижу в зале детей своих бывших учеников и даже внуков...

К сожалению, есть примеры того, что именно мастера восточных единоборств применяли свои умения на криминальном поприще. Но таких сюжетов, связанных с их клубом, Капраненко не припоминает. Он нашел главный стержень, на котором все здесь держится. Если коротко: техника борьбы у них восточная, а вера – наша, православная.

Московский священник, отец Александр Петряков, один из основателей школы каратэ в Люберецах, обладатель черного пояса, рассказывал, какие опасности для психики человека подстерегают тех, кто овладевает высшим мастерством в восточных единоборствах, но не имеет здорового духовного стержня: злое нача-

ло в их душах и мировоззрении нередко одерживает верх над добром.

– Мне как-то рассказали такую историю, – вспоминает батюшка. – Когда один молодой спортсмен достиг определенных высот, перед ним встал вопрос: надо выходить на новый уровень. И учитель поведал ему примерно следующее: для этого необходимо освоить методы медитации, иного пути нет. А медитация – это способ управлять своей волей, своим организмом, не включая в этот процесс сознание. Иными словами, мозг не руководит твоим ударом, он происходит быстрее, чем ты мог бы подумать. Тот каратист поразмыслил и отказался от продолжения карьеры. Он понял, что, уходя вглубь медитационных процессов, сильно рискует встретить там того, кого вовсе не ожидает увидеть. Любой верующий догадается, о ком идет речь...

Получается, православие вроде бы отгоняет нечисть? Словно осеняешь себя крестом. Отец Дионисий Стенин, клирик местного Свято-Троицкого храма, давно знаком с тренерами и воспитанниками клуба «Будо-Искра». Освящал тренировочные залы школы, часто встречался со спортсменами и в храме. Батюшка впрямую эту тему не развивает, но все равно как бы слышишь ответ:

– Алексей Алексеевич – обладатель черного пояса по каратэ, что само по себе говорит о его высоких спортивных достижениях. Но для меня, священника, важно, как вы понимаете, не это. Я постоянно вижу его в нашем храме и

Отец Дионисий освящает новый спортзал

думаю, что он один из самых благочестивых прихожан. У него хорошо получается воспитывать спортсменов, занимающихся восточными единоборствами, и одновременно оставаться близким к Богу, к Творцу, искренне исповедовать Его учение и в то же время, как я убеждаюсь, заниматься молчаливой проповедью. Он кроткий, смиренный человек, исполненный всяческих добродетелей. Я знаю его воспитанников. Многие из них – тоже прихожане нашего храма. А кое-кто уже приводит в храм своих детей.

Церковь и спортивный зал. Никакого противостояния. Напротив, тесная связь. А между тем все еще встречаются люди, кто считает: «О душе надо думать, о душе! А тело только мешает». Так и хочется напомнить им из апостола Павла: «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа?..» (1 Кор. 6:19). Как же тело может мешать?..

У Алексея Алексеевича подобных вопросов быть не может:

– В клубе практически все православные. Есть, конечно, исповедующие и иную веру – пожалуйста! Но Россия – традиционно православная страна. А традиция есть традиция. Православие даже помогает моим детям осваивать восточные единоборства.

Хочется спросить: чем помогает? Впрочем, ответ предсказуем: помогает тем, что не дает поднять голову гордынке, не позволяет погрузиться в собственную исключительность. В то, что все можешь сам, и только сам. Без помощи Божией.

Алексей Алексеевич словно бы размышляет вслух:

– Наша школа напоминает мне большую семью. И это, по сути, так: дети и родители делят с нами свои радости и горести, приходят за советом. Мы вместе отмечаем дни рождения, я знаю, когда кто родился, когда крестился. Знаю я и многих родителей, и положение в семьях. Мы давно дружим с монашеской братией Саввино-Сторожевского монастыря – благо, наш летний лагерь недалеко от Звенигорода. Если дети с родителями едут в какой-то храм или монастырь, я обязательно передаю с ними поминальные записочки, прошу привезти местные святыньки. Многих своих учеников я вижу в Свято-Троицком храме, который называют в народе Наташинским. Кстати, мы вообще считаем за правило перед соревнованиями пойти в церковь, помолиться и получить благословение. Считаю, именно так в детских душах укрепляется доброе начало. Несколько лет назад Господь подарил мне большую радость – сподобил встретиться с одним из моих первых уче-

Отец Александр тоже обладатель черного пояса

ников. Оказалось, тот был послушником в Оптиной пустыни, затем принял постриг с именем Даниил. А теперь он уже иеродиакон там же, в пустыни. А в свое время считался одним из лучших учеников. Однако видите, никакая «восточная философия» не повлияла на его душу. Теперь мы с ребятами каждый год ездим к нему на Пасху и Рождество Христово. Абсолютно согласен с Достоевским: русскому человеку без православия никак нельзя.

Алексей Алексеевич словно завершает диалог, будто бы отвечая на незадаанные вопросы:

– Моя цель – воспитать в клубе достойного во всех отношениях человека. За восемь-десять лет, что ученик в среднем проводит в клубе, представляете, сколько можно дать ему? Это же какая ответственность лежит на тренере!

Он убежден: чтобы учить других, надо постоянно учиться самому. Поэтому к своему техническому образованию добавил еще и гуманитарное, специальное – диплом Московской Академии физической культуры и спорта. Он благодарен родителям за то, что родился в День Победы – 9 мая. Говорит, что это наложило отпечаток на всю его судьбу. Хотя уже за шестьдесят, ему не дашь и сорока. За свою школу, свой клуб Алексей Капраненко спокоен. Но, говоря о физическом воспитании, которого практически нет уже почти четверть века, очень переживает. Возродится ли оно, поймет ли наконец государство, что будущее России зависит от здоровых, сильных и совестливых людей?

Алексей Алексеевич полагает, что не стоит увлекаться строительством помпезных спортивных сооружений, вкладывая в эти проекты огромные средства, которые никогда не окупятся. Не лучше ли в таких районах, как Северные Люберцы, строить простые, недорогие и доступные спортивные центры? Это нужно всем, и прежде всего ребятишкам, которых мы еще не потеряли.

Наверняка и вам приходилось испытывать подобное: вдруг возникает желание немедленно навести порядок в бытовом устройстве своей жизни, избавиться от «старого хлама», от всяких явно ненужных бумаг и прочих обременений. Скорость, с какой мы начинаем новую жизнь, очень скоро идет на убыль, и в итоге минимум половину из намеченного мы оставляем «до следующего раза». Зато после такого субботника, как правило, почти сразу выясня-

ется, что только вчера мы выбросили то, что понадобилось сегодня, или легко расстались с тем, по чему, оказывается, тоскует наша душа. Это не значит, что не нужно избавляться от «груза прошлого». Это значит, что абсолютно ко всему нужно относиться внимательно, сердечно и с умом и что мир держится на тех, кто это чувствует и понимает. Пусть читателям «Лампады» поможет в этом новый раздел журнала «Семейный альбом».

Прошлое – это наше будущее, о чем не следует забывать

В 1994 г. в музей «Тарханы» были переданы три альбома с фотографиями, принадлежавшими старинной тарханской семье церковнослужителей Знаменских. Последней их владелицей была учительница Любовь Ивановна Агринская, умершая в 1988 г. Она же была последней в Тарханах из представителей этого рода.

Два альбома относятся к концу XIX – началу XX века, третий – к середине XX века. Наиболее интересны первые два альбома, которые принадлежали, видимо, матери Любви Ивановны, Ольге Дмитриевне Агринской, и тетке, Аграфене Дмитриевне Знаменской.

Семьи церковнослужителей всегда занимали видное место в сельской жизни. Прадед Л.И. Агринской, дьяческий сын Иван Григорьевич Горизонтов, впервые появился в Тарханах в 1841 г. в качестве пономаря и прослужил в тарханской церкви Михаила Архистратига несколько месяцев. В начале 1842 г. он был переведен в село Шуструй Нижнеломовского уезда, а в марте 1845 г. вернулся в Тарханы уже в качестве дьячка. Он еще застал в живых Е.А. Арсеньеву, бабушку М.Ю. Лермонтова, которая умерла в ноябре 1845 г. У Ивана Григорьевича была жена Мелания Васильевна и трое детей: Василий, Иван и Любовь. В марте 1859 г. И.Г. Горизонтов умер. Для поддержки овдовевшей матери в Тарханы пономарем был назначен пятнадцатилетний Василий Горизонтов, учившийся в Нижнеломовском духовном училище на нижнем отделении. В 1863 г. умерла и Мелания Васильевна. Ее дочери Любви было только 13 лет, а шестнадцатилетний Иван учился в Нижнеломовском духовном училище на казенном содержании. На несколько лет Василий Горизонтов остается главой семьи. В клировой ведомости тарханской церкви за 1865 г. ему дается такая характеристика: «Холост. Очень усердно занимается изучением причетнических предметов. Очень скромн». В 1868 г. Василий Горизонтов был переведен в качестве дьячка в Покровскую церковь г. Краснослободска Саратовской губернии. В Тарханы на его пономарское место был прислан двадцатилетний Дмитрий Семенович Знаменский, дьяческий сын, который в том же 1868 г. женился на Любви Горизон-

товой. Он прослужил в тарханской церкви псаломщиком сорок лет, вплоть до своей смерти.

В альбомах Знаменских есть две совершенно одинаковые сильно пожелтевшие, похоже, любительские фотографии. На них изображен сидящий на крыльце деревянного дома сухонький седой старик в церковном одеянии, держащий на коленях чашку с блюдцем. Рядом с ним пожилая женщина в темном чепце подперла щеку рукой, а у их ног на нижней ступеньке – молодая женщина (девушка) со светлыми уложенными назад волосами в белом, с темными горошинами, длинном платье. Думается, не случайно эта фотография в двух экземплярах оказалась в семейных альбомах Знаменских. Может быть, это Дмитрий Семенович с женой Любовью Ивановной и одной из дочерей на крыльце своего тарханского дома?

У Дмитрия Семеновича и Любви Ивановны Знаменских было десять детей: Агриппина, Иван, Илья, Екатерина, Мария, Александра, Василий, Ольга, Дмитрий, Петр. Старшая из детей, Агриппина (Аграфена), родилась в 1870 г., младший, Петр, – в 1890 г. Девочки учились в сельской или женской церковно-приходской школах в Тарханах, за исключением Агриппины, которая занималась дома, и Екатерины, окончившей Пензенское епархиальное женское училище. При советской власти работала учительницей в митрофановской школе. Мальчики в основном получили церковное образование. Дмитрий и Петр – в Пензенской духовной семинарии, Василий – в Тихоновском духовном училище, до революции учительствовал во второклассной церковно-приходской сельской школе. Илья в 1900-х гг. служил дьяконом в селе Рязанове Броде, в Саратовской губернии. Из взрослых детей псаломщика Дмитрия Знаменского в Тарханах постоянно проживали только трое: Агриппина, Ольга и Иван.

Иван Дмитриевич Знаменский родился в 1872 г. и, хотя окончил курс в сельскохозяйственной школе, пошел по стопам отца. Служил псаломщиком и учителем церковно-приходской школы в селах Чембарского уезда. В 1906 г. был определен в

Тарханы дьяконом и оставался им вплоть до закрытия церкви.

В фондах музея «Тарханы» хранится любопытный документ прошлого – «Памятная книга» крестьянина села Тарханы Ивана Ивановича Кузнецова и его сына Якова Ивановича, отметившая многие важные события, происходившие в селе. В кратких записях этой книги отразились антицерковные действия советского государства, жестко проводившиеся в 1920–1930-е гг. Яков Иванович Кузнецов вслед за этими событиями записал:

«1923 года попы выправляли патент на право служить в церкви, которые не выправляли, у тех церковь закрывали...

1929 года священник Элементов был осужден выездной сессией на 5^{ти} лет высылки. (Батюшка умер в неволе. – Т. К.)

1929 года в конце апреля снят с барской церкви (Марии Египетской. – Т. К.) крест и вынесены все иконы... и поставлен в ней клуб.

1929 году осенью в лермонтовскую церковь (Михаила Архистратига. – Т. К.) было насыпано полно овса».

«Памятная книга» отразила и то, что происходило в Чембаре (ныне г. Белинский Пензенской области):

«1930 году в Чембаре с собору столкнутой колокол весом 400 пуд с приступки о камни розбился, дал трещину» (орфография оригинала).

В связи с этими событиями судьба тарханского дьякона Ивана Дмитриевича Знаменского сложилась самым драматическим образом. Жительница села Лермонтово Мария Дмитриевна Горшкова (1917 г. р.), отец которой «жил в работниках» у Знаменских, вспоминала (записано мною в 1994 г.): «Ивана Дмитриевича репрессировали, он сидел в тюрьме, где-то в нашей области. Сестры посылали ему посылки. Он выжил, сюда приезжал, потом уехал в Митрофаниху к сестре Кате, там и умер. А дочери его уехали, жили где-то в Сибири, не скажу, что все, а две-то точно».

У Ивана Дмитриевича было четыре дочери: Таисия (р. 1899 г.), Зинаида (р. 1902 г.), Евгения (р. 1904 г.) и Мария (р. 1906 г.). В Тарханах особенно запомнили красавицу Зинаиду, из-за неразде-

Братья Василий Дмитриевич и Иван Дмитриевич (фото 1935 г.) Знаменские

ленной любви к которой в 1920-х гг. застрелился сын местного купца Бирюкова. М.Д. Горшкова вспоминала: «Бирюков дружил с дочерью Ивана Дмитриевича Зиной. Он хотел жениться на ней, а она не пошла. Он застрелился. Мы потом все песню пели: “Из-за тебя, подружка Зина, застрелился Бирюков”».

В хранящейся в музее «Тарханы» первой книге отзывов посетителей часовни, где покоится прах М.Ю. Лермонтова, начатой в 1914 г., неоднократно встречаются подписи Знаменских. Зина Знаменская со своими одноклассниками посетила часовню М.Ю. Лермонтова 13 апреля 1915 г., а 17 апреля 1917 г. подписалась как «каменская ученица». 14 июня 1915 г. в этой книге расписалась Тая Знаменская, 8 мая 1916 г. оставил автограф Петр Знаменский. 24 сентября 1917 г. на могиле М.Ю. Лермонтова побывала «ученица 4-го класса Лермонтовского села» Евгения Знаменская. Есть подписи Знаменских и в книге отзывов посетителей музея М.Ю. Лермонтова 1940-х годов. «27/VII-43 г. в день 102 годовщины безвременной смерти М.Ю. Лермонтова посетили его могилу Василий Дмитриевич Знаменский, Т. Знаменская, Нина Знаменская».

В альбомах Знаменских собраны фотографии родственников и друзей нескольких поколений этой семьи. Фотографии сделаны в период с 1860-х по вторую половину XX века – целый век этой семьи! К сожалению, большинство из лиц, изображенных на этих фотографиях, остаются не известными. Но сами по себе старинные фотографии уже представляют музейную ценность. Даже перечень названий фотографических заведений, сделавших многие снимки, впечатляет: фотографии Е. Хоршева, И. Вальдмана, Вакуленко, И. Семакина, А.Е. Ивановой в Пензе, Сарры Магвеевой в Чембаре, Выборновых в Кузнецке, Эйденвальда и Г.В. Трунова в Москве, Мартина Вагенгейма, Л.К. Змитровского, Ю. Штейнберга, О. Рейзенера,

Рейссерта и Флиге в Петербурге, Гебенспергера и К°, Малиновского в Риге, В. Штейнберга в Двинске, Такаучи в Хабаровске...

Листаю страницы старого альбома. Вот женщина в кринолине и черной накидке на фотографии Мартина Вагенгейма, а рядом – красивое, тонкое, в пенсне, лицо – тип чеховского интеллигента – Василия Дмитриевича Знаменского. А вот мальчик-гимназист, сидящий за круглым столом, его левая рука лежит на открытой книге – фотография петербуржца О. Рейзнера; любительское фото смеющейся женщины в длинном платье и переднике, прислонившейся к стене бревенчатого дома; молодые супруги Катя и Иакинф Страховы (фото А.Е. Иванова, Пенза): «На память дорогим родным... 1904, 3-го марта»; три женщины, одетые по моде рубежа двух веков, гуляющие по берегу тарханского пруда; полное глубокого достоинства, мудрое и значительное лицо Ивана Дмитриевича Знаменского...

О.Д. Агринская с дочерью Любовью, последней владелицей семейных альбомов

Ольга Дмитриевна Знаменская родилась в 1886 г. В клировой ведомости тарханской церкви за 1908 г. о ней написано: «Ольга в замужестве за почетным гражданином села Каменки Нижнеломовского уезда Иваном Агринским». М.В. Горшкова вспоминала о ней: «У меня рано умерла мама, и Ольга Дмитриевна учила меня всем домашним делам: и стирать, и хлеб печь, и шить, и стегать, и всему. Она была рукодельница. Я каждый день к ней ходила, а иногда и ночевала. Мне было лет 8–10, когда она начала меня учить. Дом Ольги Дмитриевны был рядом со школой. Как я помню, они жили с сестрой Аграфеной, сестра была постарше. У Ольги Дмитриевны была одна дочь Любовь Ивановна, и была еще неродная дочь постарше. <...> У нее было много сестер и братьев. Одна сестра жила в Митрофанихе, где-то в Пензенской области, работала учительницей, другая сестра жила в Ленинграде. В Ленинград она и свою дочь отправила учиться, устроила ее в интернат. Любовь Ивановна там гимназию, наверно, кончила, у нее были документы на учительницу, потом приехала сюда к матери».

Любовь Ивановна Агринская работала учительницей в сельце Подсот, в нескольких километрах от Тархан. С 1951 г., потеряв дочь, она жила одна. В последние годы за ней ухаживала соседка Е.Д. Игнатова. У нее и остались альбомы Знаменских–Агринских, которые она передала в музей.

Трудное время выпало на долю этих людей: революции, репрессии, войны, но они жили и выживали вместе со своей страной.

История семьи Знаменских – это лишь маленькая частица истории российского народа. И в эту историю приоткрывают окно старые альбомы Знаменских.

Татьяна Кольян

Сестра Ольги Дмитриевны Екатерина с мужем Иакинфом Страховым

За всю войну – ни одного выстрела А единственный трофей – осколок под сердцем

Мой отец, Исаев Александр Андреевич, 1906 г. р., был мобилизован осенью 1943 года. Жили мы в 70 километрах от Томска в старинном селе Турунтаево на Иркутском тракте. Отсрочка была связана с его специальностью: работал комбайнером в МТС. Но не за это он попадал под броню, а за свои умелые руки: он, едва ли не единственный, мог отремонтировать любую сельхозтехнику. И вот, после уборочных работ, отец убыл на фронт. После двухнедельных курсов его направили на передовую санитаром в один из районов форсирования Днепра. Домой вернулся лишь в феврале 46-го из... Улан-Удэ, где врачи выхаживали его после ранения, полученного в середине апреля на реке Шпрее, под самым Берлином.

Как признавался отец, за все время он не сделал ни одного выстрела. Да у него и оружия не было. Его дело – вытаскивать раненых с поля боя на санитарной волокуше-лодочке. Так что похвастаться героическими подвигами он не мог. Умер отец неожиданно, в ночь на 1 мая 1950 года, мне было тогда всего девять лет, но тем не менее некоторые случаи из его фронтовой жизни, как он мне их излагал, сохранились в моей памяти.

Форсирование Днепра началось ранним утром. Отцу, как старшему по возрасту, приказали оставаться на берегу с группой молодых, необстрелянных бойцов – ребят, по словам отца, лет шестнадцати-семнадцати. Сам он тоже не нюхал порошу, но жизненный опыт позволял более спокойно ориентироваться в ситуации. При первых выстрелах бойцы сгрудились вокруг него, с ужасом всматриваясь в то, что творилось на переправе. Неожиданно немцы открыли минометный огонь по нашему берегу. Отец приказал рассредоточиться, полагая, что немцы не будут тратить снаряды на жидкую цепочку солдат у кромки воды. Однако ребята гурьбой ринулись в ближние кусты. Немцы, видимо, посчитав, что там скрываются большие силы, открыли ураганный огонь. «Никто не уцелел, – горько говорил отец. – Жалко ребятешек. Кто и зачем их туда направил?».

Отец вспоминал также бои в Венгрии, в районе озера Балатон. «Не припомню

Мои родители и мой старший брат Толя. Сейчас ему 83

больше такой бойни. Ох и полегло там наших! И немцев тоже», – подытоживал он рассказ. Но и там остался невредим. Однажды попали под налет авиации, немцы, казалось, не жалели бомб. Санитары и другие «тыловики» нашли защиту в старом кирпичном сарае – надежном убежище от осколков, стены чуть ли не метровой толщины. Постепенно огонь стал стихать, кое-кто потянулся на улицу. «А у меня на душе вдруг так тревожно стало, – рассказывал отец, – будто вижу однополчан последний раз. И тут – словно кто-то толкнул меня, мол, перейди к противоположной стенке. Огляделся – все бойцы как сидели, так и продолжали сидеть, а я подхватил вещмешок и перешел на новое место. Не успел сесть, как послышался вой бомбы, раздался страшный взрыв, земля ушла из-под ног». Когда пришел в себя, понял, что уцелел чудом. Повезло: бомба большой мощности упала рядом со стеной, все, кто скрывался за ней, погибли под кирпичным завалом, его же только слегка контузило. Крыша упала одним краем с разрушенной стены, а второй завис над самой головой. С того случая он стал замечать некую закономерность: люди гибли рядом с ним, а его Бог словно миловал. Кто знает, как еще повернулась бы судьба фронтового санитаря Александра Андреевича Исаева, если бы не очередной и последний в его боевой биографии необъяснимый факт?

Отец считает, что Господь так вывел его из берлинских боев и сохранил жизнь.

В апреле 45-го советские войска форсировали реку Шпрее, до Берлина – рукой подать. «Где-то впереди ухали разрывы тяжелых снарядов, а нам, двум санитарам, велено было не мешаться на передовой, ждать приказа». Они пережидали в большой воронке от авиабомбы. Позиция находилась на краю широкого луга. Погода выдалась чудесная, тепло, солнечно, все зеленеет, в небе ни облачка, только жаворонки вовсю хлопчуют. Потянуло домой, в Сибирь.

И снова отца обняла тревога: опять будто кто-то велит сменить место. Поделился с напарником – тот отмахнулся: «Ну тебя! Бомба два раза в одно место не падает». А отец все же перебрался в соседний окоп. И тут – взрыв! Настолько сильный, что отца почти

засыпало землей. «Вылез из окопа, гляжу в воронку, где сидел товарищ, а она пустая, только шире и глубже стала. Даже хоронить нечего. Решил: надо к своим – доложить о случившемся. Только закинул за спину вещмешок, как что-то так огрело сзади, что отлетел за окопы. Сколько пролежал без памяти, не знаю. Почему-то искал в небе глазами жаворонков. Не нашел. Очень захотелось пить. Кое-как доковылял до ближайшей речки. Наконец унял жажду, а с колен встать не могу. Усталость навалилась, сил никаких нет. И тут вижу в воде труп человека... Очнулся уже в дороге, где-то в Сибири».

Благодаря Бога, говорили отцу врачи, если бы не вещмешок с фляжкой, портянками и прочим солдатским скарбом, осколок прошел бы сердце. Одного сантиметра не хватило. Извлекать осколок не стали: опасно – спереди сердце, сзади позвоночник.

С этим осколком отец и умер через пять лет после ранения. Накануне мама вызвала врача: у отца защемило сердце. После укола он забрался на теплую печь и уснул, а под утро мама нашла его мертвым. Врач предположил, что осколок сдвинулся и пошел в сторону сердца.

Но мама считала, что сердце отказало по иной причине. Накануне отца вызвал на ковер парторг райкома партии в МТС и сделал внушение: «Как же вы, товарищ

Исаев, не выполнили социалистическое обязательство поставить к Первомаю комбайн на линейку готовности?! В райкоме знали об этом, и я так надеялся!».

Отец оправдывался: механическая часть комбайна отремонтирована, а двигатель полностью износился, он невосстановим. После выволочки отец еле добрался до дома, мама вызвала врача.

Хоронили отца по высокому разряду, с красным знаменем, хотя и беспартийного, салютовали из охотничьих ружей. Мужики окольными путями принесли крест. Из радио-колокола, включенного на всю мощь, неслась песня: «А помирать нам рановато...». Дождь лил как из ведра. Парторг не скрывал слез. Люди недоумевали.

Алексей Исаев, сын

Вот что написал коллега, с которым мы даже работали в одной газете, правда, в разное время. Он как-то обмолвился, что отец не сомневался в том, что его на войне хранил Господь. «Он верил в Бога?». – «В то время? – искренне удивился Алексей. – Хотя... Сам понимаешь, мне даже в голову не могло прийти поговорить с ним об этом. Теперь жалею». – «Если что вспомнишь – напиши». Вскоре в моей почте появилось новое письмо.

Перед ранением на Шпрее отец оказался на безлюдном немецком хуторе. Аккуратные домики, не тронутые войной. Окно ближайшего открыто, на столе стоит швейная машинка. Напарник потянулся было за трофеем, но отец одернул его. «Себе хочешь взять?» – обиделся тот. Найдя во дворе длинный шест, отец молча ткнул машинку. Раздался взрыв: «трофей» был заминирован. «Как ты узнал?» – все допытывались у него. «Да Бог его знает! Подсказали...». – «Кто?». Отец лишь пожимал плечам: он же им ответил.

Так работал на войне санитар Исаев

Из Германии отец привез две металлические ложки, опасную бритву и жилетку. Да еще несколько яблок. Это было первое яблоко в моей жизни.

А подвиги его все-таки были отмечены – медалями «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

Еще характерный эпизод из жизни отца.

Несчастье свалилось на него осенью. Во время жатвы что-то сломалось в комбайне. Обычно запчасти привозил штурвальничий. На этот раз поехал сам: если не найдется детали на складе, сам сделаю, решил он. Кобылу запрягли ему капризную. Предупредили: может вскинуться, лягнуть. Так и случилось. Хлестнул отец лошадь, чтобы бежала резвее. Той не понравилось. Удар кованого копыта пришелся по правому глазу. Две недели отвалился отец в больнице. Вышел с одним глазом, второй закрылся: был перебит нерв, ответственный за веко. Врачи настаивали на немедленной операции. Отец сунул направление в карман, а сам отправился к месту жатвы: Зимой съезжу. Зимой опять нашлись неотложные дела, а весной – тем более. «Ничего, – шутил он, – я и одним глазом зрю в оба». Так и не нашел времени на операцию. А через девять месяцев умер.

Еще письмо.

Паша, мне прислали из Томска фото временного паспорта отца. Здесь он уже с одним глазом. Заодно уточнил некоторые факты: отец вернулся из госпиталя 6 февраля 1946 года. Значит, провалялся в госпитале 10 месяцев. Жуть, мама вся извелась, ожидая. Не одну ночь провела на коленях перед иконой в молитвах и слезах.

К страничке из паспорта необходимо уточнение: паспорт временный, паспортистка допустила неточность: его подлин-

ное место рождения – село Красная Дубрава Земетченского района Пензенской обл. Отец, когда брал паспорт, видимо, не обратил внимания, доверился. Вообще мои старики жили в поэтических местах: Красная Дубрава, затем – деревня Малиновая Грива.

Еще одно дополнение.

Отец и мать начинали учебу в церковно-приходской школе. Отец был «отозван» после 1 класса, мать – после 3-го. В те времена церковь посещали все, регулярно, сельский храм закрыли только в 30-м. Вспоминаю рассказ о сбросе колокола. Но подробности не сохранились, помню только, что бабушка рассказывала об этом как о каком-то страшном, грешном деле. Мама добрым словом поминала попадью и попа, дальнего родственника, они подкармливали ее семью в годы голода. Отец и другие мужчины тогда надолго уходили «на сажни» – в Люберецком районе заготавливали дрова для Москвы. От того времени у нас остались Евангелие и Псалтирь.

Хотя ближайший храм действовал в Томске (семья уже переехала в Сибирь, спасалась от голода) в 70 километрах от нашей деревни, дети не оставались некрещеными, люди самостоятельно крестили новорожденных. Ритуал проводили особо набожные, уважаемые женщины. Каждому младенцу назначали крестную и крестного. У меня крестной была двоюродная сестра Катя. Крестная на всю жизнь оставалась очень близким человеком, а крестники относились к ней с большим почтением. К ним так и обращались: «Крестная». А вот крестные, то есть мужчины, не дорожили почетным званием, потому их не запоминали. Крестная же оставалась навсегда дорогим человеком, может быть, даже ближе, чем кровная родственница.

Помню, родители молились дома перед простенькой бумажной иконой Богоматери. Нательные алюминиевые крестики отец и мать носили постоянно, с ними и легли в гроб.

Алексей Минкин

Любимцы царского двора и крестьянских подворий

Судьбы этих художников во многом схожи. Их почитали и представители императорского двора, и простолюдины – быть может, потому, что Алексей Корзухин и Кирилл Лемох были истинными патриотами, верными чадами Русской Церкви, неприметными доброхотами и приверженцами самодержавия. Ну и еще, конечно, бесспорными мастерами избранного ими дела. Оно-то – именуемое творчеством – и познакомило их, сблизило и увековечило. Сегодня их имена мало что говорят широкому кругу зрителей, хотя, впрочем, где он нынче – широкий?..

А. Корзухин

К. Лемох

Кирилл (Карл) Викентьевич Лемох – москвич из обрусевших немцев. Уже в десять лет, в 1851 году, был определен в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Нужно сказать, что в нем рано проявился не только талант живописца, но и облик достойного человека, православного христианина. Все отмечали его удивительную деликатность – никого никогда он не осуждал, не бранился и вообще сторонился резких суждений. Был исключительно честен. Хочется верить, что именно эти качества помогли художнику дорасти до члена правления Общества передвижных выставок и стать его казначеем. Конечно, в формировании личности прежде всего сыграла роль атмосфера отчего дома, но велика заслуга и первого училищного педагога, академика живописи Егора Яковлевича Васильева, который взрастил также и прославленного Перова, и многообещающего Соломаткина. Когда Перов бедствовал, Васильев предложил ему и кров и стол. (Традиция, к счастью, жива: Солженицын – Чуковский, Растропович). Судьба Лемоха еще долго будет соприкасаться с судьбой наставника. Васильев написал главный образ для Казанской женской

общины подмосковного Головина, ставшей затем монастырем, погост которого упокоил и Лемоха, и его сродников. Удивительно, что иноческое гнездо находилось вблизи от Ховрина, а это сельцо так любил Лемох.... А ведь туда, в Ховрино, его изначально направил товарищ по училищу, сын знаменитого зодчего М.Д. Быковского. А как раз Михаил Доримедонтович, как известно, выстроил в свое время ховринскую усадьбно-приходскую Знаменскую церковь. Поистине, нет ничего случайного!

И хотя Кирилл Викентьевич оставил Первопрестольную и отправился на берега Невы, в Академию художеств, он почти каждое лето проводил в Ховрине, работая, добродетельствуя, отдыхая. И впрямь: село с его усадьбой, храмом, перелесками и холмами так и просилось на холст. Пытливый глаз находил в нем множество интересных портретных типов, да еще и плескался над Ховрином, по выражению венчавшегося здесь такого же, как Лемох, местного дачника поэта В. Брюсова, «просторный океан неба». Кирилл Викентьевич построил себе мастерскую-лачужку и начал большие труды с крестьянскими жителями. Познавая их чаяния и неу-

рядицы, строил избы погорельцам, вырыл хороший колодец, помогал деньгами нуждающимся, а кому-то и корову привел с ближайшей ярмарки. Поддержав стремление местного батюшки, отца Василия Руднева, Лемох дал деньги на сооружение в Ховрине земской школы, и чуть позже не без его участия сельских детишек вывозили в Троице-Сергиеву лавру, Покровский Хотьков монастырь, Московский зоосад. Школа, проект которой безвозмездно составил архитектор Г. Кайзер и освящать которую приезжал епископ Можайский Парфений (Левицкий), стала для Лемоха своеобразным памятником-посвящением скончавшемуся малолетнему внуку Митеньке Менделееву...

Да, дочь художника Варвара (она запечатлена в образе крестьянки на картинах «Варька» и «Лето») была обвенчана с сыном Дмитрия Ивановича Менделеева Владимиром. Муж, увы, погиб от жестокой простуды, а вскоре умер от аппендицита и сын Митя. Похоронили мальчика в соседнем Головине, при женском Казанском монастыре. Позднее там будут погребены и супруга художника – дочь Федора Шохина, одного из трех братьев-зодчих, Варвара Федоровна, и сам Кирилл Викентьевич Лемох, много помогавший обитателям крестьянских подворий Ховрина, бывший и вкладчиком Казанской обители, последние здания которой снесли аж в 70-х годах прошлого века. Сохранилась лишь колокольня – на нынешнем Кронштадтском бульваре.

Известно, что художник был материально довольно благополучен – и семью содержал в достатке, и немало благотворил. Его скромные жанровые работы: «Круглая сирота», «Крестьянские девочки», «Нищенка», «Пьяный муж» – и даже портреты известных людей: архитектора Шохина, художников Шишкина и Мясоедова – не могли принести большого дохода. Можно предположить: основным, как теперь сказали бы, источником финансирования была... Царская семья. Лемох преподавал рисунок детям престолонаследника Александра Александровича, в том числе и будущему страстотерпцу Николаю II.

Карл Лемох. В лето. С поздравлением

А. Корзухин. Перед исповедью

А. Корзухин. Крестьянские девочки в лесу

К. Лемох. Утро в деревне

Наиболее любимой и даровитой ученицей была великая княгиня Ольга Александровна. А поскольку умный, деликатный и одаренный художник пришелся ко двору всему августейшему семейству, ему назначили пожизненную пенсию. К тому же Романовы покупали еще и его работы. Любопытно, что император Александр II лишь к учителю Лемоху обращался на «вы».

Считается, что житейское благополучие опасно искушением для души: она становится черствой. О Кирилле Викентьевиче Лемохе этого никак не скажешь. В равной мере – как и о его добром приятеле и тоже талантливом художнике Алексее Ивановиче Корзухине, чей путь к успеху был, правда, чуть тернистее (как-никак, из крепостных), но в целом можно сказать: и ему фортуна улыбалась во всю ширь белоснежной улыбки.

Шестилетним мальчиком Корзухин выучился писать иконы и дерзнул сбывать их на воскресном базаре. Необычного ребенка заприметил местный богомаз, взял в подмастерья, а затем талантливому мальчику стал покровительствовать сам начальник горных заводов Урала. Стены горного училища Леша Корзухин оставил ради коридоров Санкт-Петербургской Академии художеств, которую окончил в 1863 году. За годы учебы получил за свои работы шесть серебряных и две золотые медали, был освобожден от обязательной горной службы.

Память детства, замешанная на вере, идущей из отчего дома, оставалась с ним всегда. Иконопись и церковная тема в целом не отошли от Алексея Ивановича и в зрелые, послеакадемические годы. Он участвовал в работах в храме Христа Спасителя, расписывал собор в Риге, величественный храм в Ельце. В паломничестве к мощам святителя Тихона Задонского у него родился замысел известной картины «В монастырской гостинице», теперь украшающей коллекцию Третьяковской галереи. Кто знает, окажись Корзухин в странноприимном доме Казанской Головинской обители, может, собрание Третьяковки обогатилось бы и еще чем-нибудь не менее достойным, чем, скажем, другой его шедевр – «Перед исповедью»? В Нижнем Тагиле, на

пример, хранится удивительный портрет священника Удинцева. Русский музей может похвалиться картиной «В канун Рождества». Да и не только ею: «Бабушкин праздник», «Девичник», автопортрет – и их можно созерцать в музее, некогда носившем имя императора Александра III. Корзухинское наследие включает и такие образцы портретной живописи, как изображения Александра III, великого князя Алексея Александровича, художника Судковского и удивительного золотопромышленника Серебрякова, раздавшего все свое состояние и принявшего ангельский чин, то есть ставшего монахом. Алексею Ивановичу весьма близка была и народная, крестьянская тема: «Разлука», «Возвращение извозчика из города», «Крестьянские девочки в лесу», «Девочка», «Крестьянские дети», «Поминки на деревенском кладбище», «Возвращение отца из города». «Поминки...» повысили Корзухина до звания Художника первой степени, а «Возвращение отца...» принесло звание Академика живописи. Талант талантом, но и учителя в Императорской Академии у него были отменные: Басин, Бруни – крепкие традиционалисты, привившие свои взгляды не одному выпускнику. Неудивительно, что замеченный членами Царской семьи, кураторами Академии, выпускник Корзухин, как и Лемох, стал вскоре художником уважаемым и с именем. Правда, монарших особ, в отличие от Кирилла Викентьевича, Алексею Ивановичу обучать не довелось, но самодержавные устои, православие и народность от того чтит ничуть не меньше. Увы, так случилось, что Корзухин оказался свидетелем убийства Александра II, и, потрясенный увиденным, он не оправится никогда.

1835–1894 годы – вот вся его, Корзухина, жизнь: не столь уж долгая, но яркая, плодотворная, насыщенная и искренняя. Раба Божия Алексея приняла священная земля Александроневской лавры. Шестнадцатью годами позже раб Божий Кирилл, отпетый в домово́й церкви при Академии художеств, был перевезен в Москву и обрел конечное земное пристанище в некрополе Казанской обители. Хотя нет, не конечное: богоборческий разгул

недавних лет не пощадил ни монастырь, ни его погост. Какие-то останки перенесли на новое Головинское кладбище, но был ли среди них прах Лемоха, не ясно.

...Когда-то их сблизили устраиваемые Лемохом веселые вторники с участием именитых мастеров кисти: Куинджи, Шишкина, Крамского – и их детей. Очевидно, не единожды навещивался туда и Корзухин. Кроме того оба были участниками отколовшейся от Академии группы живописцев, переросшей сначала в артель, а впоследствии – в Общество передвижных художественных выставок. С другой стороны, оба, в отличие от своих сподвижников, связей с alma mater не обрывали. Так, Корзухин в общих передвижных экспозициях не участвовал, предпочитая поддерживать традиции Императорской Академии. Лемох вообще был обязан Академии очень многим: дипломная работа «Моисей, источающий воду из камня» принесла медаль высшей пробы, а картина «Семейное горе» – титул Художника первой степени. В 1875 году он был удостоен звания Академика. Избирался в члены Совета Академии художеств, возглавлял ее хозяйственный комитет, почти до самой кончины состоял в хранителях художественного отдела Русского музея имени Александра III. Лемох, как и Корзухин, знал, что такое чувство долга, и воплощал это знание в жизнь.

Главное, мы увидели, что признанные высшим светом, обласканные царским двором художники не поддались соблазну заделаться салонными портретистами, не «забронзовели» душой, а всего лишь честно служили своему делу и честно жили. Потому-то одинаково понятны и любимы были они и в самых верхах, и в глубинках империи, среди простого народа, по деревням и крестьянским подворьям. Можно сказать, они жили точно по великому учителю Церкви Иоанну Златоусту, который говорил, что Господь требует от нас не успеха, но труда. А труд, благословляемый свыше, иначе – труд во славу Божию, не проходит бесславно. Трудящихся не ради корысти и честолюбия успех ждет неминуемо. Как бы славно всем нам помнить об этом...

Ирина Монахова

«Бог – властитель над душой» Н.В. Станкевич: жизнь, поэзия, вера

Имя Николая Владимировича Станкевича (1813–1840), хорошо известное историкам и литературоведам, мало знакомо широкому кругу читателей. Однако это был замечательный человек своего времени – философ, поэт, просветитель, создатель и руководитель знаменитого кружка Станкевича, оказавшего большое влияние на культурную и общественную жизнь России в XIX веке. Это общество молодых литераторов, ученых, философов, объединенных научными интересами, любовью к искусству и, главное, стремлением к познанию истины, к самосовершенствованию. Среди участников кружка были В.Г. Белинский, М.А. Бакунин, Т.Н. Грановский, К.С. Аксаков, А.В. Кольцов, В.П. Боткин, Я.М. Неверов, А.П. Ефремов, И.П. Ключников, В.И. Красов, М.Н. Катков и др.

Кружок Станкевича был одним из самых замечательных явлений в интеллектуальной и духовной жизни своего времени. Его участники стремились по-новому осмыслить литературу, искусство, философию, приобщались к последним достижениям европейской философской мысли и творчески развивали их.

Именно Станкевич привлек внимание членов кружка к философскому познанию действительности, считая, что научное познание – не самоцель, а основа для «постройки жизни». Он стал для своих товарищей (которых он называл «братия») учителем и оказал большое влияние на их дальнейшее идейное и творческое развитие. На-

Н.В. Станкевич.
Акварель Л. Беккера. 1838

*Профессора будущий! преследуешь судьбою,
Скажи, что предпримешь самтрекя тв. от собоа?
Примител-ли рвотное? что συμβεβαια котил?
Что и гробов двенит? Какя морешь приводем?
Стелл замислишь? Идем-ли в уил време?
И долго-ли еще проводим в жамосемь?
Говодем-ли судьбой? Палокем-ли кречу?
Или шафенствемь, пресмршимь на мовь?
Нормовь мост судьба: турител не повешен,
Невправд проклянат тв. своего удемь:
О, какя негововит и воль и мудровь
Можь тв. вь медком Армидактр садомь,
Буд райские мюды вордлит на каждой стемь.
О кружа сопраниа в какой тв. судной кетке.*

Автограф стихотворения Н.В. Станкевича «Профессор будущий!»

пример, Т.Н. Грановский вспоминал о Станкевиче: «Никому на свете не был я так обязан: его влияние на меня было бесконечно и благотворно»¹; «Он был нашим благодетелем, нашим учителем, братом нам всем, каждый ему чем-нибудь обязан. Я больше других»². Белинский замечал в письме М.А. Ба-

¹ Т.Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М., 1897. С. 404.

² Т.Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М., 1897. С. 101.

кунину (1838 год): «Станкевич никогда и ни на кого не налагал авторитета, а всегда и для всех был авторитетом, потому что все добровольно и невольно сознавали превосходство его натуры над своею»³.

Вообще Станкевичу было свойственно редкое качество: имея явное литературное и философское дарование, он не отличался повышенным честолюбием, не стремился быть литератором, вдруг перестал писать стихи в довольно юном возрасте, не спешил излагать на бумаге свои мысли о тех главных философских вопросах, которые его интересовали и волновали. Причиной этого была, прежде всего, необыкновенно высокая требователь-

ность к себе, а также и то, что он своим важнейшим делом считал помогать другим – открывать для других мир науки, искусства, философии, нравственной высоты (что для большинства его друзей во многом определило их дальнейшую деятельность и мировоззрение).

И относился он к этому своему призванию очень

серьезно и основательно. Как-то он заметил в письмах 1836 года: «Мне предстоит большой труд – отвечать Грановскому на его сомнения в самом себе, когда я сам, когда мы все так часто подвергаемся этому недугу»⁴; «Мне надобно мужаться, встать и дать ответ

³ В.Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. 11. М., 1956. С. 339.

⁴ Письмо Н.В. Станкевича Я.М. Неверову от 21 сентября 1836 года // Н.В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 145.

Грановскому на его сомнения в себе и отчаяние. Никто не может отвечать лучше того, который находится сам в его положении»⁵.

И.С. Тургенев, много общавшийся со Станкевичем в конце его жизни, вспоминал об этом в письме М.А. Бакунину: «Как для меня значителен 40-й год! Как много я пережил в 9 месяцев! <...> В Риме я нахожу Станкевича. Понимаешь ли ты переворот, или нет – начало развития моей души! Как я жадно внимал ему, я, предназначенный быть последним его товарищем, которого он посвящал в служение Истине своим примером, Поэзией своей жизни, своих речей! <...> Станкевич! Тебе я обязан моим возрождением: ты протянул мне руку – и указал мне цель. <...> Благодарность к нему – одно из чувств моего сердца, доставляющих мне высшую отраду»⁶.

Участие Станкевича в судьбе поэта А.В. Кольцова фактически подарило русской литературе это поэтическое имя. Станкевич, живя в Воронежской губернии в имении своих родителей, познакомился там с Кольцовым (сыном местного купца – торговца скотом), был удивлен и восхищен его поэтическим даром и позаботился о том, чтобы тот мог издать в Москве первую книгу своих стихов и войти в московские литературные круги. Вряд ли поэт-прасол смог бы самостоятельно, без участия Станкевича, преодолеть тяжелое притяжение своей среды и вырваться на столь высокую орбиту всеобщего признания.

Самоотверженность и любовь к ближнему были фактически девизом его жизни. Он признавался в одном из писем: «Счастье, достойное человека, может быть одно – самозабвение для других; награда за это одна – наслаждение этим самозабвением»⁷.

Его короткая жизнь, оборвавшаяся из-за чахотки в неполные 27 лет, не позволила ему в полной мере развить и проявить все свои таланты (фило-

софию он считал лишь ступенью к дальнейшим занятиям и осуществлению более отдаленных целей, о которых сказал: «Я еще более хочу убедиться в достоинстве человека и, признаюсь, хотел бы убедить потом других и пробудить в них высшие интересы»⁸). Но он остался в истории русской культуры наряду со своими великими современниками не только как выдающийся просветитель, но и как воплощение высокого нравственного идеала.

Неслучайно Белинский, будучи одним из ближайших друзей и единомышленников Станкевича, воспринимал его прежде всего как неординарную личность. Белинский признавался в одном из писем: «Я как будто потерял в нем не друга, не близкого к себе человека, но скорее *необыкновенного* человека. <...> Его смерть поразила меня *особенным образом* и... *точно так же* поразила меня смерть Пушкина и Лермонтова. <...> Это *мои* потери, после которых жизнь много утратила для меня»⁹.

И даже не зная Станкевича лично Л.Н. Толстой, прочитав в 1850-е годы его биографию и письма, написал о нем поразительные слова: «Вот человек, которого я любил бы, как себя»; «Никогда никого я так не любил, как этого человека, которого никогда не видел. Что за чистота, что за нежность! что за любовь, которыми он весь проникнут»¹⁰.

* * *

Говоря о жизни Станкевича, можно отметить одну из самых важных ее особенностей – как гармонично сочетались в ней его убеждения и его поступки. Он писал: «Для одних любовь – забава, для других – наслаждение духовное, как наслаждение искусства; для меня она – религия; для меня она – жизнь, жизнь такая, какою будет

жизнь преображенное человечество, воздух, которым будет дышать оно»¹¹.

И так в действительности он и жил, воплощая эти слова в повседневную жизнь. Поэтому мысли о вере у него зачастую возникают рядом с размышлениями о своем предназначении в жизни: «Прошло время, когда блестящая мысль была для меня истинною, но потребность веры становится сильнее и сильнее, а постепенное воспитание человечества есть одно из сладчайших моих верований»¹².

Будучи сам гармоничным человеком, он и к религии относился так же – просто, жизненно, не умаляя здесь роли умственного, философского познания, но и не преувеличивая ее. Он отчасти пытался постичь религию путем философии («искал еще в философии опоры своему живому религиозному чувству»¹³, по словам П.В. Анненкова) – такова была надежда на разум человека и его просвещенность.

Поначалу он воспринимал религию как нечто неосознаваемое умом: «Между бесконечностью и человеком, как он ни умен, всегда остается бездна, и одна вера, одна религия в состоянии перешагнуть ее, она одна способна заполнить пустоту, вечно остающуюся в человеческом знании. <...> Та система¹⁴ хороша, которая не мешает верованиям, составляющим интегральную часть человеческого существа, и содержит побуждения к добрым подвигам!»¹⁵.

Но в дальнейшем он в познании этого бесконечного явления придавал больше значения разуму: «Да и чем передается тебе религия? не умом ли? Разве верование не есть мысль, мысль, одобряемая целым разумением, которое невольно и безотчетно сознает свое

⁵ Письмо Н.В. Станкевича М.А. Бакунину от 21 сентября 1836 года // Н.В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 147.

⁶ И.С.Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Письма в 18 тт. Т. 1. М., 1982. Сс. 162–163.

⁷ Письмо Н.В. Станкевича Я.М. Неверову от 21 сентября 1836 года // Н.В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 145.

⁸ Письмо Н.В. Станкевича Я.М. Неверову от 2 декабря 1835 года // Н.В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 134.

⁹ Письмо В.Г. Белинского В.П. Боткину от 13 апреля 1842 года // В.Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1956. С. 98.

¹⁰ Письма Л.Н. Толстого Б.Н. Чичерину и А.А. Толстой, 1858 г. // Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 60. М., 1949. Сс. 272, 274.

¹¹ Письмо Н.В. Станкевича М.А. Бакунину от 24 ноября 1835 года // Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840. М., 1914. С. 592.

¹² Письмо Н.В. Станкевича Я.М. Неверову от 19 сентября 1834 года // Н.В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 110.

¹³ Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П.В. Анненковым. М., 1857. С. 41.

¹⁴ Имеется в виду философская система.

¹⁵ Письмо Н.В. Станкевича В.Г. Белинскому от 30 октября 1834 года // Н.В. Станкевич. Избранное. М., 1982. Сс. 111–112.

В кружке Н.В. Станкевича. Рисунок Б.И. Лебедева. 1940-е

единство с нею?»¹⁶; «Кто бескорыстно ищет истины, тот уже очищает душу и готовится к принятию божества. Царство истины – царство Божие; оно в мире, но не от мира»¹⁷.

Однако он признавал, что состояние души – еще более верный путь к вере. Это, по его выражению, «невольная вера, основанная на знании разумного начала»¹⁸. По-видимому, и

¹⁶ Письмо Н.В. Станкевича Я.М. Неве-рову от 21 сентября 1836 года // Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840. М., 1914. С. 365.

¹⁷ Письмо Н.В. Станкевича Я.М. Неве-рову от 21 сентября 1836 года // *Н.В. Станкевич*. Избранное. М., 1982. Сс. 145–146.

¹⁸ Письмо Н.В. Станкевича Е.П. и Н.Г. Фроловым от 7 апреля 1840 года //

знание здесь имеется в виду тоже «невольное» – «знание» души. Он отмечал в одном из писем: «От внутренней гармонии необходимо рождается вера в самом даже невыгодном положении, и отчаяние есть знак больной, раздранной противоречием души»¹⁹.

В то же время никакие теоретические размышления не затрагивали глубины его веры, которая была ему свойственна с самых юных лет. Красноречиво говорят об этом его стихи. Вот строки 16-летнего Станкевича:

Ты к смертным благ, творец
вселенной,
И души их – твой светлый храм!
<...>

С надеждою подыемлю длани,
Паду во трепете лица,
Молю Предвечного Отца,
Чтобы смирил душевны брани,
Чтоб в сердце утвердил покой.
«Стансы», [1829 г.]

Вот отрывок из стихотворения,
написанного годом позже:
Все бессильны укоризны,
Победить судьбу – кто мог?
Утешенье в бурной жизни
Мне да будет – вера, Бог
И любовь к *святой отчизне!*

Н.В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 215.

¹⁹ Письмо Н.В. Станкевича Л.А. Бакуниной от 2 июня 1837 года // Н.В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 167.

Прочь же грешные роптанья,
Бог – властитель над душой,
Погребу мои страданья,
И, быть может, вновь со мной
Примирятся упованья.

«Весна», [1830 г.]

А так заканчивается стихотворение, которое называется «На могилу сельской девицы»:

Знать, не в нашем свете грешном
Тем цветочкам расцветать.

Счастья здесь они не знают,
Их не радует земля;
Нужны Богу; засевают
Ими райские поля.

[1831 г.]

Стихотворение под названием «Мгновение» хотелось бы привести полностью:

Есть для души священные
мгновенья:

Тогда она чужда земных забот,
Просветлена лучом преображенья
И жизнь небесною живет.

Борьбы уж нет; стихают сердца
муки,
В нем царствуют гармония и мир,
И стройно жизнь перелилася
в звуки,
И зиждется из звуков новый мир.

И радужной блестит тот мир
одеждой,
Им блеск небес как будто отражен;
Все дышит в нем любовью
и надеждой,
Он верою, как солнцем, освещен.

А.В. Кольцов. Портрет работы К.А. Горбунова. 1840-е

Т.Н. Грановский. *Дагерротип*. 1830-е

И зрим тогда незримый Царь
творенья:
На всем лежит руки Его печать,
Душа светла... В минуту
вдохновенья
Хотел бы я на Божий суд предстать!
[1832 г.]

Из поэтических сочинений юного Станкевича видно, как гармонично в его душе сочетается вера и любовь к Божьему творению – к земному и небесному миру. Правда, моменты дисгармонии, отголоски «душевных браней», «мук сердца» и «грешных роптаний» в «бурной жизни» слышатся уже и здесь. В дальнейшем драматическая нота в его стихах усиливается: жизненные тревоги и разочарования все больше вторгаются в изначально светлый мир души. И вера становится тогда уже как бы спасительным якорем в житейском бурном море:

Я в жизни утратой утрату сменял,
Унылую песню мне дух напевал;
И в сумраке ночи на песню печали
Знакомые тени ко мне прилетали.

Напрасно теперь в отдаленном краю
Веселые, старые песни пою!
Нет! жизнь обнажилась! Нет!
Бездна зияет –
Ужасную песню мне дух напевает.
«Песни. Фантазия под вальс Бетховена», декабрь 1832 г.

Я знал: не радость мой удел –
По ней душа не тосковала,
Высокой жаждой дух горел,
Надежды неба грудь питала...

Давно, давно я на пути;
Но тщетно цели ищут взгляды. –
Судьба! Что мне твои награды?
Былую веру возврати!
Март 1833 г.

Себе всегда пред всеми верен,
Иди, люби и не страшись!
Пускай твой путь земной измерен –
С непогибающим дружись!
<...>

Тогда свершится подвиг трудный:
Перешагнешь предел земной –
И станешь жизнью повсюдной,
И все наполнится тобой.
«Подвиг жизни», апрель 1833 г.

Хотя по стихам Станкевича невозможно составить представление обо всей его жизни и обо всех сторонах его личности, но сущность его характера и его взгляда на жизнь они выражают вполне точно. Он действительно был таким – гармоничным и светлым человеком, наделенным необыкновенным душевным тактом. Будучи глубоким человеком, талантливым философом, переживая свои душевные драмы, он в то же время любил добродушно пошутить и посмеяться, легко и непринужденно чувствовал себя и на светском балу, и в родительском доме среди семьи, и в кружке среди друзей, с каждым из которых он мог найти общий язык, каждого понять и вникнуть в его проблемы.

Сам он объяснял свойства своего характера воспитанием в семье. В конце жизни он писал своим родителям: «Вы, верно, не будете раскаиваться, что давали всегда полный простор любви вашей к детям; правда, мы все, может быть, немножко избалованы, но от избалованности скоро, слишком скоро, вылечивает жизнь; зато все мы, верно, единодушно скажем, что вашей любви обязаны мы всем, что только есть в самом деле хорошего в нас, что она сохранила сердца наши и открыла их для ощущений любви и дружбы, без которых жизнь не имеет смысла и без которых человек поневоле делается дурным»²⁰.

Усвоив в детстве этот «урок», Станкевич именно любви к людям, к Богу, ко всему прекрасному в мире придавал первостепенное значение – ключевое для всех остальных интересов и стремлений в жизни. Он замечал в письмах: «К чему работать над своим усовершенствованием? В этом успеть невозможно. Замечать в себе какие-нибудь недостатки, давить их поодиночке, – для этого нужно

внимание, борьба, осторожность – и это ли жизнь? Нет, не частности должен исправлять в себе человек. Если он заметил их в себе, то должен заметить и общий источник, из которого они выходят. А всем нашим слабостям один источник: недостаток любви. <...> Поменьше думайте о своем несовершенстве, побольше обо всем, что есть прекрасного в мире; только не старайтесь искать его с намерением и особенно там, где его быть не может, – вот один путь сделаться лучше»²¹;

«Не думай о себе, смотри на добро – и сделаешься лучше»²²;

«Душа, полная любви, носящая тихо в себе сочувствие ко всему прекрасному, умеющая находить и ценить его вокруг себя в семействе, в людях, выше <...> гениальности»²³.

Поэтическое творчество Станкевича невелико, не так много он успел в своих стихах сказать слов о вере и любви к Богу и к людям, но ведь и вся его жизнь была как будто наглядным примером воплощения этих заповедей.

²¹ Письмо Н.В. Станкевича Л.А. Бакуниной от 15 февраля 1837 года // Н.В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 160.

²² Письмо Л.А. Бакуниной от 1 мая 1837 года. // Н.В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 165.

²³ Письмо Л.А. Бакуниной от 24 июня 1838 года. // Н.В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 195.

«Дом Станкевича» в Москве (дом № 8 в Большом Афанасьевском переулке), где в 1836–1837 годах жил Н.В. Станкевич. Здесь неоднократно бывали В.Г. Белинский, М.А. Бакунин, К.С. Аксаков и другие участники кружка

²⁰ Письмо Н.В. Станкевича В.И. и Е.И. Станкевичам от 5 марта 1840 года // Н.В. Станкевич. Избранное. М., 1982. С. 208.

Шукшин, Белов, Разин... (фрагменты из книги «Василий Шукшин»)

Андрей Платонов, Алексей Толстой, Михаил Булгаков, Александр Грин, Михаил Пришвин – у книг, рассказывающих о жизни и творчестве этих талантливых, ярких личностей, один автор – Алексей Варламов. В этом году галерея литературных портретов, созданных писателем, обогатится новым произведением – книгой о Василии Шукшине. Ее готовит к печати издательство «Молодая гвардия». Мы попросили Алексея Варламова, автора и «Лампады», познакомить наших читателей со своей новой работой. Вот фрагмент из будущей книги. Шукшин мечтал снять фильм о Степане Разине. Так мечтал!..

АНАФЕМА

Тут отчасти, как и с советской властью: объявлять Шукшина христианским или противохристианским писателем так же плоско, как объявлять его советским либо антисоветским, разве что цена вопроса неизмеримо выше. Но и уклоняться от обсуждения этих вопросов не резон, и разинский замысел среди них ключевой. Без него, вне его шукшинский «символ веры» не понять, и опять-таки корнями все уходит в шукшинскую родовую историю. Завороженный образом Разина, фактически сотворивший из него кумира, но сотворивший честно, с открытыми глазами, готовый принять на себя все его грехи, в том числе и грех предательства, из любви к Разину не посмеявший опустить ничто, что бросало бы тень на его героя, – но только попробуйте вы его тронуть (вот уж точно «Мне отмщение и Аз воздам»), – Шукшин возненавидел все, что было Разину враждебно, и Церковь в том числе. А точнее – Церковь – в первую очередь, даром что ли с церковной анафемы «вору и изменнику, крестопреступнику и душегубцу, забывшему святую соборную церковь и православную христианскую веру» начинаются и сценарий фильма о Разине, и роман «Я пришел дать вам волю».

Об этой своей ненависти к церкви Шукшин прямо говорил, а точнее писал – известен его автограф, рукопись, и в данном случае особенно важно, что это не чье-то воспоминание, не переданные точно или неточно слова, а документальный факт – он писал о Разине Ларисе Ягунковой, будущему автору книги «Земной праведник», Шукшину посвященной.

Вот эти слова: «...он герой, чья личная судьба ему не принадлежит, она – достояние, гордость народа. Поэтому все, что отрицает ее как таковую, церковь например, – мне глубоко ненавистно».

Именно так – «ненавистно». И эту мысль Шукшин повторял, обращался к ней не раз, в том числе в последние годы жизни. «Мне вспомнилась одна встреча на Дону, – писал Василий Макарович в ответ на письмо жителя поселка Трудфронт в Астраханской области Г.И. Родыгина в 1972 году. – Увидел я в Старочеркасске белобородого старца, и захотелось мне узнать: как он думает про Степана? Спросил. “А чего ты про него вспомнил? Разбойник он... Лихой человек. И вспоминать-то его не надо”. Так сказал старик. Я оторопел: чтобы на Дону и так... Но потом, когда спокойно подумал, понял. Работала на Руси и другая сила – и сколько лет работала! – церковь. Она расторопная, прокляла Разина еще живого и проклинала 250 лет ежегодно, в Великий пост. Это огромная работа».

Психологически неприятие исторической Русской церкви Шукшиным могло быть связано еще и с тем, что разинский сюжет ассоциировался в сознании Шукшина с образом отца, а Макарь Леонтьевич был человеком богоборческого склада, о чем Шукшин писал в «лесгах» к роману «Любавиных»: «Почему-то отец не любил попа. Когда поженился, срубил себе избу. Избу надо крестить. Отец на дыбы – не хочет, мать в слезы. На отца напирал родня с обеих сторон: надо крестить. Отец махнул рукой: делайте, что хотите, хоть целуйтесь со своим длинногривым меринком.

Воскресенье. Мать готовится к крестинам, отец во дворе. Скоро должен прийти поп. Мать радуется, что все будет, как у добрых людей. А отец в это время, пока она хлопотала и радовалась, потихоньку разворотил крыльцо, прясло, навалил у двери кучу досок и сидит тюкает топором какой-то кругляш. Он раздумал крестить избу.

Пришел поп со своей свитой: в избу не пройти.

– Чего тут крестить, я ее еще не доделал, – сказал отец.

Мать неделю не разговаривала с ним. Он не страдал от того.

А меня крестили втайне от отца. Он уехал на пашню, а меня быстренько собрали мать с бабкой и оттащили в церковь».

Но существенен и еще один аспект. Восставая против Церкви, Шукшин своим сценарием – и тут уж скорее невольно, вряд ли сознательно – выступил против другой русской ортодоксии и другой национальной константы, а именно – против пушкинской концепции народного восстания. Изображая русский бунт куда более беспощадный, чем в «Капитанской дочке», автор «Степана Разина» этот бунт воспел. В его замысле и воплощении это бунт не просто осмысленный, но промыслительный, священный, восстание против тех, кто укрепил народ с помощью своих грамот, законов, уложений, кто вторгся в народную жизнь и ее порушил, это протест против чиновничества как вечной губительной русской силы, против власти как таковой и против всех, кто ей служит. Если Пушкин во время жутковатой, но все же сознательно смягченной, по-своему целомудренной, художественно скупой сцены расправы пугачевцев над защитниками Белогорской крепости отдает должное и честности служивого дворянства, не желающего принимать власть самозванца, и той неизбежности, с какой Пугачев вынужден вершить свой суд, то у Шукшина похожая картина окрашена в диковатые тона сладострастия расправы над горсткой верных защитников Царицына, не изменивших Государю и преданных большинством горожан, и трудно поверить, чтобы шук-

шинский Разин кого-то пощадил, как пощадил Гринева пушкинский Пугачев из «Капитанской дочки». У Шукшина – и в этом его принципиальное отличие от пушкинского метода – не было двух правдивых и при этом противоречащих друг другу сочинений – документального («История пугачевского бунта») и художественного («Капитанская дочка»). Для Шукшина правда – одна, и вот в чем она заключалась:

«Воеводу с племянником, приказных, жильцов и верных стрельцов вывели из башни. Подвели к Степану.

– Ты кричал про Государя? – спросил Степан.

Тимофей Тургенев гордо приосанился.

– Я с тобой, разбойником, говорить не желаю! А вы изменники! – крикнул он, обращаясь к изменившим стрельцам и горожанам. – Куда смотрите? К вору склонились!.. Он обманывает вас, этот ваш батюшка! Вот ему, в мерзкую его рожу! – Тимофей плюнул на атамана.

Плевок угодил на полу кафтана Степана. Воеводу сбили с ног и принялись бить.

Степан подошел к нему, подставил полу с плевком:

– Слизывай языком, собака.

Воевода еще плюнул.

Степан пнул его в лицо. Но бить больше не дал. Постоял, бледный... Наступил сапогом воеводе на лицо – больше не знал, как унять гнев. Стал мозжить голову каблуком... Потом вынул саблю... но раздумал. Сказал негромко, осевшим голосом:

– В воду. Всех».

Объективно говоря, воевода Тимофей Тургенев ведет себя почти так же, как капитан Миронов, если не считать боярской спеси, но Шукшин полностью дегероизирует его, как и любого, кто стоит по другую сторону народной войны. И кстати, не случайно и художественно очень точно: именно вслед за расправой над царицынским воеводой и верными ему людьми следует одна из самых невыносимых сцен в сценарии (в романе ее нет): после того как во время конфликта с Матвеем Ивановым пуля из Степанова пистолета случайно попадает в лик Божьей Матери и казаки воспринимают это как дурной знак, атаман «не целясь почти, раз за разом, садил четыре пули в иконостас: Христу Спасителю, Николаю Угоднику,

Иоанну Крестителю и апостолу Павлу. Всем – в лоб».

И далее обращается к казакам: «Теперь всем не обидно. Не коситесь туды – я этот грех на себя принимаю».

Шукшинский Разин не просто человек, не умеющий остановиться, прислушаться, попытаться понять другую правду, но в своем разрушении всего и вся ради торжества воли и справедливости, в этом своеобразном русском ленинском большевизме он бунтует не только против церкви, представлявшейся ему союзницей государства и по этой причине вызывавшей отторжение, но и против самого Бога. И в этом бунте он не одинок. Ближайший сподвижник Разина Матвей Иванов, человек из народа, этакий казачий комиссар при казацком Чапаеве, о чем говорил и сам Шукшин, тоже выступает как своеобразный богоборец, когда в разговоре со Степаном признается, что хотел полюбить Бога, да не смог, потому что «барин он, бог-то. Любит, чтоб перед им на карачках ползали. А он ишшо поглядит – помочь тебе или нет. Какой это бог! От таких богов на земле деваться некуда».

КАКО ВЕРУЕШИ?

Однако – вот что примечательно – всего через год Шукшин опубликует, а значит напишет еще раньше, рассказ «Охота жить», герой которого, старый таежный охотник, скажет своему будущему убийце, сбежавшему с зоны (и здесь четко прослеживается диалог с самим собой, с рассказом про Степку

и с фильмом «Ваш сын и брат»): «За убийство тебя Бог накажет, не люди. От людей можно побегать, а от Него не уйдешь».

В рассказах Шукшина этого времени отношение к Церкви, к Богу, к священству гораздо сложнее, многозначнее, чем в яростном романе, но важно, что это была та тема, мимо которой пройти, вынести ее за скобки Василий Макарович не мог. Иван Попов вспоминал о том, как Василий Макарович дождливым, холодным летом 1969 года «прочитал вдруг такую лекцию о религии, о христианстве... К чему бы? Непонятно. Но говорил он долго и интересно...».

О чем говорил, как, мы не знаем. Очень может быть, что и ругал, критиковал, низвергал. Но не это важно. Важно то, что христианство влекло его неотвратимо, раздражало, мучало, возмущало, но именно из таких строптивых людей и выходили, как известно, самые крепкие верующие. Шукшин просто не успел к этому прийти, но – забегая вперед: смерть застала его на пути истинном, свидетельством чему его последние письма, только путь этот был долог, извилист, ухабист. Были на этом пути неудачные попытки встретиться с владимирским архиереем («патриархом», как называл его Попов) во время съемок фильма «Странные люди» в 1968 году и состоявшаяся встреча с настоятелем Псково-Печерского монастыря Алипием в 1970 году, о которой вспоминал Анатолий Заболоцкий: «В Псково-Печерском монастыре нежданно тепло принял Шукшина, а с ним и всех нас, наместник монастыря отец Алипий. Затеялся откровенный диалог. Шукшин, как после признавался, расшифровываться не решился, боялся, а вдруг и отец-наместник “подсадной”. “Подождем другого случая”».

«Двигался ли к Богу сам Шукшин? – задавал себе вопрос воцерковившийся в последние годы жизни Василий Белов. – Мне кажется, да. Некоторые его поступки указывали на это вполне определенно, не говоря о литературных. Вспомним кое-какие его рассказы, хотя бы “Залетный” в сборнике “Земляки”, изданном в 1970 году. (Он надписал мне эту книжку в октябре того же года). Долог и труден наш путь к Богу после многих десятилетий марксистского атеизма! Двигаться по этому пути надо хотя бы с друзьями, но колоннами

к Богу не приближаются. Коллективное движение возможно лишь в противоположную сторону... Мое отношение к пляшущему попу (рассказ “Верую”) и при Макарыче было отрицательным, но я, не желая ссориться с автором, не говорил ему об этом. Сам пробуждался только-только... Страна была все еще заморожена атеистическим холодом. Лишь отдельные места, редкие проталины, вроде Псково-Печерского монастыря, подтачивали холодный коммуно-еврейский айсберг. Но и такие места погоду в безбожной России еще не делали. Однажды я оказался свидетелем встречи фальшивого печерского монаха с новомировцем Юрием Буртиним. Этот “монах” (наверняка, с одобрения КГБ) проник в Печерский монастырь со своими тайными целями, жил там несколько лет и собрал, записал большой компромат на всех насельников. Теперь он решил извлечь из этого компромата материальную выгоду и притащил свои записи в “Новый мир”».

Можно предположить, что и недоверие Шукшина к отцу наместнику шло от подобных «монахов», а скорее даже от интеллигентских слухов о влиянии КГБ на церковную среду, зачастую преувеличенных. Но несмотря ни на что Шукшина тянуло к воцерковленным верующим, а особенно к клирикам, как к своего рода чудикам – кто они, эти *странные люди*, в век научно-технического прогресса верящие в Бога, – жулики, дураки, умники, хитрецы, мученики? Отсюда и не понравившийся Белову рассказ «Верую» с жадной жаждой главного героя докопаться до сути дела. Или вспомним, как в «Сапожках» деревенские мужики спорят о том, сколько денег получает молодой священник:

«Видели на улице молодого попа и теперь выясняли, сколько он получает. Больше других орал Витька Кибяков, рябой, бледный, с большими печальными глазами. Даже когда он надрывался и, между прочим, оскорблял всех, глаза оставались печальными и умными, точно они смотрели на самого Витьку – безнадежно грустно.

– Ты знаешь, что у него персональная “Волга”?! – кричал Рашпиль (Витьку звали “Рашпиль”). – У их, когда они еще учатся, стипендия – сто пятьдесят рублей! Понял? Сти-пен-дия!

– У них есть персональные, верно, но не у молодых. Чего ты мне будешь

говорить? Персональные – у этих... апостолов. Не у апостолов, а у этих... как их?..

– Понял? У апостолов – персональные “Волги”?! Во, пень дремучий. Сам ты апостол!

– Сто пятьдесят стипендия! А сколько же тогда оклад?

– А ты что, думаешь, он тебе за так будет гонениям подвергаться? На! Пятьсот рублей хотел? Он должен быть верующим!».

И кажется, что это уже крик не безнадежно грустного Рашпиля, но – самого взыскующего веры Шукшина, в отличие от очень многих современных ему писателей (тут разве что Владимир Тендряков вспоминается), пытавшегося публично осмыслить уцелевшую, несмотря на гонения и дух шестидесятилетия, русскую религиозность.

Протоиерей Сергей Фисун точно подметил своего рода противоречие между формой и содержанием шукшинских поисков: «В правдивом, великолепном с художественной точки зрения рассказе “Как помирал старик” на предложение жены: “Я позову Михеевну – пособорует” – умирающий старик отвечает: “Пошли вы!.. Шибко он мне много добра сделал...”. Он – это, конечно, Бог».

Но в то же время Шукшин создает примерно тогда же и рассказ «Думы», впоследствии вошедший в кинофильм «Странные люди» с его очевидной религиозной доминантой.

«Взвыл человек от тоски и безверья» – вот ведь что лежит в основе рассказа «Верую!», который можно, наверное, по-разному, как и в целом шукшинское отношение к христианской вере, истолковать; но очевидно одно: в его сердце не было равнодушия, теплоты, окаменелости чувств, все в нем было – порывистость и страстность, волнение и борьба.

Шукшин пройдет через точки падения и взлета, и его русский мятежный дух скажется в том, как однажды, по воспоминаниям Виктории Софроновой, «Василий Макарович пошел в храм. Как он говорил, “мимо шел”. На ступеньках споткнулся и потерял равновесие. Символическая картина. Он и сам ее так воспринял, тогда же, потому что, поднявшись на ноги, повернул стопы свои и в церковь не зашел. Как бы, говорил он, меня не пустили.

Это неверно, конечно, но очень хорошо иллюстрирует борения и метания самого Шукшина». И еще более отчетливо этот мотив звучит в воспоминаниях фотографа Анатолия Ковтуна, который сослался на рассказ актрисы Людмилы Зайцевой о том, как однажды «на Пасху Шукшин остановился перед храмом, упал на колени и... заплакал. С его уст слетали слова, каких раньше никто от него не слышал: “Грешен... грешен я... Господи! Прости меня...”». Да и Заболотский недаром приводил в мемуарах покаянные слова своего режиссера: «Разве мог Разин рубить икону? (Так было в сценарии.) Он же христианин. Ведь это я, сегодняшней, рублю».

И возвращаясь к Разину и невольному пушкинскому акценту в шукшинском замысле, – главный смысл этого бунта, главный его урок заключается не в царской власти, не в боярской спеси, а в том предательстве, которое совершают казаки по отношению к мужикам. Вот где проходит самый трагический раскол, самый узел, самый нерв русской истории, чрезвычайно для Шукшина болезненный, поскольку он любил и тех и других, любовался и теми и другими, но честно признавал, и здесь как раз шел вслед за Пушкиным, изобразившим, но не осудившим в «Капитанской дочке» вероломность и подлость казаков. (Осужден Швабрин, потому что к нему предъявляется дворянский счет чести). И, как и у Пушкина, самой трагической у Шукшина оказывается фигура преданного вождя, с той лишь разницей, что вряд ли Пушкин так же плакал, убивался и будил жену, как плакал Шукшин, дойдя до сцены гибели своего героя. «Шукшин писал последние страницы... Попросил: “Ты сегодня не ложись, пока я не закончу казнь Стеньки... я чего-то боюсь, как бы со мной чего не случилось...”». Лидия Николаевна, уставшая от домашних дел, часам к двум ночи сама не заметила, как заснула. Пробудилась же в половине пятого от громких рыданий, с Василием Макаровичем была нервная истерика, сквозь стенания едва можно было разобрать слова: “Тако-о-го... му-жи-ка... погу-у-били... сво-ло-чи...”».

И разве мог он отказаться от такого замысла? Разве мог за него не биться? Разве хорошо, что он этот фильм не снял?

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

ГЛАВНАЯ	О ЖУРНАЛЕ	СОБЫТИЯ	АНОНС	ГДЕ КУПИТЬ	ПОДПИСКА	КОНТАКТЫ

МОЖНО ЛИ ДРУЖИТЬ С САМИМ СОБОЙ?

Вопрос может показаться странным и даже не очень умным. Однако это не так. Мы, имеется в виду бумажная версия «Лампады», дружим с ее электронной разновидностью – сайтом журнала. Не станем скрывать, что поначалу идея создания сайта не очень пришлась

по душе: казалось, что себе же создаем конкурента. Но опасения рассеялись очень скоро. Как только мы увидели, что сайт – это не клон «Лампады», а ее виртуальное продолжение и дополнение. При всем желании мы не могли бы познакомить читателей традиционной «Лампады» со всеми чудесными репортажами и очерками Вадима Рутковского

из Крыма, с полным фрагментом книги о Василии Макаровиче Шукшине, который передал нам писатель Алексей Варламов, со многими другими материалами и фотографиями. Причина одна – ограниченные возможности бумажной версии журнала. А здесь – как говорится, гулять не хочу! И так,
ЧИТАЙТЕ НА САЙТЕ:

Василий Шукшин (главы из книги).

Автор – Алексей Варламов

На конях из Волгограда в Севастополь.

Автор – Вадим Рутковский

Шпага и крест (глава из книги «Распятый в дебрях»).

Автор – Борис Сумашедов

Наедине с Богом и природой.

Автор – Вадим Рутковский

Крестный ход: по морю, аки по суку.

Автор – Вадим Рутковский

Честное слово Александра Кабакова (фрагмент эссе «Частное слово»)

Автор «Лампады» написал книгу

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

создан межфакультетский проект

«МНОГОПРОФИЛЬНОЕ БОГОСЛОВСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ДЛЯ СЛУЖЕНИЯ ЦЕРКВИ, СЕМЬЕ, ОБЩЕСТВУ»

Проект — для тех, кто уже имеет высшее образование, профессиональные или семейные обязанности, кого волнуют глубокие мировоззренческие вопросы.

У нас учатся доктора наук и вчерашние выпускники вузов, математики и филологи, люди искусства и военные, врачи и учителя, бизнесмены и журналисты. Проект позволяет изучать богословие священнослужителям и монашествующим, несущим послушания на приходах и в обителях.

Более десяти образовательных траекторий позволяют учесть пожелания и возможности учащихся: рабочий график, профессию, уровень знакомства с Православием и собственную цель обучения, будь то намерение заниматься наукой, преподавать, работать на приходе или стремление глубже узнать Предание Церкви для осмысления своей веры и христианского воспитания своих детей.

КОНСУЛЬТАЦИИ ПО ПРОЕКТУ,

индивидуальный подбор образовательных программ:

+7-915-008-68-19; +7-903-227-74-15; +7-963-787-04-50

- **базовое систематическое богословское образование** — программа «Теология» 2,5 или 3,5 года;
- **церковно-практические специализации:** катехизация, миссия, социальная работа, работа с молодежью;
- **возможность дальнейшего обучения в магистратуре и аспирантуре по теологии и иным направлениям;**
- центр духовного образования военнослужащих;
- годовичная программа «Основы православного богословия и культуры»;
- краткосрочные богословские курсы;
- в проекте **обобщен 20-летний опыт работы** Университета со взрослой аудиторией;
- **церковное и государственное признание** документов об образовании;
- **отлаженное соединение образовательных программ** различного уровня, **каждая из которых завершается выдачей отдельного документа об образовании;**
- **три формы обучения:** вечерняя, заочная и дистанционная;
- занятия вечерних групп **в центре Москвы** (м. «Третьяковская» и «Павелецкая»), с 18:30 до 21:20;
- **оплата от 4 до 10 тыс. руб. в семестр,** в зависимости от интенсивности обучения.

Прием документов до 1 сентября.

Вступительные испытания (собеседование и экзамен по Основам Православия) **со 2 сентября.**

Адрес приемной комиссии и схема проезда,

перечень документов для поступления

и программа экзамена на сайте: <http://pstgu.ru/fdo/> — август

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА

ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно
на нашем сайте lampada-press.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

На 2016 год «ЛАМПАДУ» можно выписать как **ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ,**
так и через **ПОДПИСНЫЕ АГЕНТСТВА:**
МАП (каталог «Почта России», индекс 16594);
РОСПЕЧАТЬ (каталог «Газеты. Журналы», индекс 80339).

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке	апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане	свт. Климента, папы Римского
св. мц. Татианы при МГУ	Успения Божией Матери в Казачьей слободе
Воскресения Словущего на Успенском Вражке	Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья
Воскресения Христова в Сокольниках	Новомучеников и исповедников Российских в Строгине
Всех Святых Алексеевского женского монастыря; на подворье Патриарха Московского и всея Руси при храме прп. Алексия, человека Божия	Всех святых во Всехсвятском
Иверской иконы Божией Матери на Всполье	Всемилоственного Спаса в Митине. Патриаршее подворье
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами	Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)
Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь	Преображения Господня в Тушине
прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря	Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине
Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском	Прп. Сергия Радонежского в Бусинове
Троицы Живоначальной в Хорошеве	Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье
Троицы Живоначальной в Хохлах	прп. Алексия, человека Божия в Крылатском
Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове	Богоявленский кафедральный собор в Елохове
Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове	Казанской иконы Божией Матери в Коломенском
Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище	Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь
Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово	Донской ставропигиальный мужской монастырь
Сретенский ставропигиальный мужской монастырь	Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве
Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском	св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»
Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке	Воскресения Христова в Кадашах
царевича Димитрия при Голицынской больнице	свт. Иннокентия, митр. Московского в Бескудникове
Троицы Живоначальной в Останкине	прп. Сергия Радонежского
свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной	в Крапивниках

ISSN 2225-0271

9 772225 027100